

Владимир Уланов

Трагедия царя Бориса

*Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют...*

.....
*О страшное, невиданное горе!
Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли.*

А.С. Пушкин

Часть I

Борьба за власть

Власть — самое сильное возбуждающее средство.
Генри Киссинджер

1

Царь Борис Годунов с утра чувствовал себя хорошо, за обедом много ел, был необыкновенно весел, шутил. К концу трапезы внесли кувшин с заморским вином, царь пожелал его попробовать.

Стольник налил содержимое кувшина в кубок и медленно подал царю. Рука его дрожала, но он, слащаво улыбаясь, произнес:

— Откушайте, Борис Федорович! Это хорошее вино, его привезли из Франции.

Царь медленно выпил вино, зажмурился от удовольствия, затем вытер полотенцем губы, разгладил бороду, встал из-за стола. Тяжело дыша, направился к выходу, по пути позвал своих приближенных пойти с ним погулять.

Царь пожелал подняться на башню, чтобы с высоты обозревать Москву. За время его правления немало было построено новых зданий и сделано других преобразований в столице русского государства. Он гордился этим и любил любоваться столицей с высоты птичьего полета.

Царь и его свита двинулись к башне. Медленно по ступенькам, поддерживаемый слугами, он поднялся на площадку башни. Действительно, оттуда открывался прекрасный вид. Москва была как на ладони. Сверкали позолоченные кресты и купола церквей. Москва была в легкой туманной дымке.

Государь окинул взглядом свою столицу, размышляя: вон колокольня Ивана Великого, а вон и Успенский собор, где его короновали и присягали ему на верность самые знатные князья и бояре, а вот и красавец Архангельский собор, место

упокоения московских князей и царей. На солнце сверкали купола и кресты церкви Расположения, которая служит домовым храмом митрополитов и русских патриархов.

Годунов долго смотрел на вид Москвы сверху, тяжело оперевшись на свой посох. Затем вдруг резко развернулся и потребовал помочь ему спуститься вниз. Он неожиданно почувствовал подступающую тошноту, голова закружилась. Приближенные подхватили царя под руки и медленно повели в покои. Годунов уже чувствовал себя совсем плохо, в груди жгло, тошнило, голова просто раскалывалась от боли. В царских покоях Бориса уложили на кровать и стали искать врачей. На беду их никого не оказалось на месте, все разошлись по своим делам.

В постели Годунову стало немного легче. Мысли его путались оттого, что он стал лихорадочно перебирать в уме всех своих приближенных, друзей, родственников и врагов с одной мыслью: «Кто же все-таки мог меня отравить? Кто подлил в заморское вино яд? Кому это было нужно? Наверно, Шуйские и Нагие».

Сидя на троне русского царя, Борис Годунов немало сделал хороших дел, а еще больше — кровавых расправ из-за своей подозрительности и боязни потерять власть. Много пролилось боярской и княжеской кровушки. За последнее время царь

многим уже надоел своим недоверием. В борьбе за власть в счет не шли ни родственные, ни дружеские узы. Достаточно было Борису шепнуть на ухо, что кто-то из князей или бояр плетет против него заговор, как люди эти исчезали или им рубили голову за измену.

Лежа на спине, царь тяжело дышал, но мысль работала четко и осознанно, вся его жизнь пробежала перед глазами. Он думал: «Вот и пришла расплата за все содеянное мной в жизни».

Точно так же он со своим другом Бельским, имея доступ к домашней аптечке царя, подлили в лекарство Ивану Грозному яд. Они давно уже договорились убрать царя, чтобы захватить власть. Тогда, 18 марта 1584 года, он играл с царем Иваном в шахматы. Богдан Бельский приготовил лекарство, подошел к царю и произнес:

— Великий князь Иван Васильевич, пора выпить лекарство, — и дрожащей рукой преподнес кубок.

Царь пристально посмотрел на постельничего Богдана, хмуρο сказал:

— Что это ты, Богдан, трясешься как в лихорадке?

Годунов, напряженно наблюдая за действиями своего друга, понял, что тот на грани разоблачения. Ведь Грозный был очень подозрительный человек и вполне мог заставить своего слугу самому выпить

лекарство. Бельский большим усилием воли взял себя в руки и, заикаясь, ответил:

— Да что-то, Иван Васильевич, мне сегодня нездоровится.

Грозный поморщился от слов Бельского, так как не любил, когда слуги болели. Он машинально протянул руку, взял лекарство, залпом его выпил и опять погрузился в игру в шахматы. Уже через некоторое время царь схватился рукой за грудь в области сердца, тихо сказал:

— Плохо мне... — и повалился на стол, сметая шахматы на пол. Затем попытался подняться, но уже не смог. Он успел только прошептать:

— Сволочи, все-таки отравили... — По телу царя Ивана пробежали судороги, он дернулся и застыл, навалившись грудью на стол.

Годунов приблизил свое лицо к царю, внимательно пригляделся, произнес:

— Кажись, успокоилась душа царя нашего. Больше не будет уничтожать подданных и издеваться над нами. А то совсем уже осатанел. Уже не знаешь, идя во дворец к царю на службу, вернешься сегодня домой или тебя по подозрению схватят. Либо голову отрубят, либо на кол посадят, — и, обратившись к Бельскому, велел:

— Зови лекарей и родственников царя.

Богдан помчался по дворцу с криками:

— Беда! Беда! Царю плохо! Где лекари!

Прибежал, тяжело дыша, князь Иван Федорович Мстиславский, сын двоюродной сестры Грозного, в тревоге спросил:

— Что случилось?

— Где лекари?! С Иваном Васильевичем плохо!

Мстиславский подошел к царю и с дрожью в голосе сказал:

— Он уже мертв. — Рукой провел по лицу царя, закрывая ему глаза. — Теперь уже лекарей звать поздно... — и, обратившись к Годунову, спросил: — Как это случилось?

— Мы играли с ним в шахматы, неожиданно царь повалился, потерял сознание.

Вскоре около покойника собрались родственники и придворные. Все скорбно молчали. Некоторые всхлипывали, вытирая слезы.

Василий Шуйский хоть и пытался надеть маску скорби, но у него не получалось, выдавали глаза, которые поблескивали радостью.

Нагие шепотом переговаривались между собой, понимая, что скоро грядут довольно сложные времена.

Борис Годунов подошел к Бельскому и зашептал ему на ухо:

— Надобно, Богдан, срочно принять меры предосторожности. В связи со смертью царя могут

быть народные волнения. Ты как руководитель дворовой думы распорядись запереть ворота Кремля и расставить стрельцов на стенах, зарядить пушки и никого пока не впускать и не выпускать из города.

Как ни скрывали приближенные царя, что Иван Грозный умер, но все равно каким-то образом народ узнал об этом событии. Вскоре у стен Кремля стала собираться толпа горожан, которая быстро росла. Люди требовали открыть ворота и сказать правду.

Борис Годунов, видя, что события назревают серьезные, вдруг распорядился:

— Открыть ворота и допустить народ к Кремлю!

— Да ты что, Борис Федорович, с ума сошел?! — в страхе возмутился Богдан Бельский.

— Ты, Богдан, не беспокойся, я выйду на крыльцо к народу и сообщу им о смерти царя.

— Да как только они ворвутся к Кремлю, разнесут все кругом и нас поубивают. Ты же, Борис, знаешь, что толпа, как порох; стоит только бросить туда огоньку — все взорвется. Еще кто-нибудь из толпы закричит, что измена, что царя убили или еще что-нибудь придумают, так их потом никакой силой не остановишь.

А прятаться нет смысла, так как еще больше возникнет подозрение. Поэтому нужно открыть

ворота. Я думаю, что люди мне поверят, и сохраним все окружающее от погрома.

Вскоре толпа была запущена на Кремлевскую площадь. Количество людей все росло и росло, а вместе с тем и напряжение, которое могло неожиданно разрядиться в погром.

Нужно было действовать решительно и смело, чтобы предотвратить наступающий бунт.

Борис Годунов торопливо перекрестился на образа и шагнул на крыльцо.

Толпа на некоторое время притихла, а затем взорвалась возмущением:

— Сами убили царя!

— Они убили!

— Если бы не были виноваты, то не стали бы запирасть ворота!

— Это вы, бояре, убили царя!

Годунов перекрестился троекратно, поклонился во все стороны народу и крикнул в толпу:

— Клянусь перед Богом, что никто не повинен в смерти нашего царя! Его неожиданно постиг удар, он умер своей смертью!

Толпа притихла. Но вот кто-то с сомнением выкрикнул:

— Может и вправду они тут ни при чем! Говорят, царь последнее время сильно болел!

— А может и вправду, сам помер?!

Какой-то мужичонка тонким голоском закричал:

— Хотим царем Дмитрия!

Люди как будто этого и ждали, вся площадь взорвалась криками. Огромное количество людей задвигалось, разразилось ревом:

— Хотим царем Федора! По праву он наследник престола.

Спор разгорался все яростнее, кое-где в толпе начались потасовки.

Борис Годунов поднял обе руки вверх, призывая горожан к спокойствию.

Площадь притихла. Кто-то, еще не успокоившись, прокричал:

— Не посадите на трон Федора, сами посадим!

— Мы передадим ваши пожелания Земскому собору во главе с митрополитом. Он будет решать, кому быть царем! — ответил Годунов. Наложил на себя крест и, обращаясь к народу, сказал:

— Как повелит Господь, так и будет!

2

Царевич Федор Иванович находился на колокольне Ивана Великого. Он любил это место, где он мог находиться долгое время наедине и думать о Божественном бытие всего мира, об

ангелах и святых. Здесь он часами мог молиться за здоровье своего отца, жены и всех близких. Федор с трепетом встречал рассветы и закаты солнца, не забывая при этом прочитать молитву «Отче наш».

Особенно ему нравился колокольный звон. Когда он слышал мелодичный перезвон, ему казалось, что душа его стремится вверх и летает вместе с ангелами, и в это время ему всегда хотелось петь божественные молитвы. За это отец Иван Грозный прозвал его звонарем. Его даже не смущало, когда он слышал перешептывание дворян и бояр:

— Блаженный! Не в себе царевич-то!

Федор милостиво улыбался, глядя на приближенных отца, думая про себя: «Моя душа принадлежит богу! А ваши души погрязли в ненависти друг к другу из-за власти и денег. За мое блаженство Господь меня не оставит в беде и возблагодарит».

В этот раз царевич Федор только-только отчитал молитву «Отче наш» и хотел заняться колокольным звоном, как до него донесся небывалый шум на Кремлевской площади. Федор перегнулся через перила и посмотрел вниз. Увидев огромную толпу людей, произнес вслух:

— Что бы это значило? Может, беда какая случилась?!

В это время на площадку поднялся

запыхавшийся дядя царевича — Никита Романович Захарьин-Юрьев, а за ним его шурин Борис Годунов и почти вместе выкрикнули:

— Беда! Беда, Федор Иванович!

Федор всплеснул руками и недовольно спросил:

— Что же это за беда такая, которая не дает мне молиться Богу?

— Батюшка твой неожиданно скончался! — выкрикнул Годунов.

Царевич на какое-то время даже остолбенел, затем повалился на колени, протянул руки к небу, взмолился:

— Господи, за что же ты мне даешь такие испытания?! Чем я тебе не угодил: или мало молился, или разгневал чем, или так тебе угодно?! Тогда прими душу грешного моего батюшки!

Пока царевич молился, в душе Бориса Годунова все кипело, он мысленно произнес: «Вот блаженный звонарь! Сейчас будет молиться до тех пор, пока все молитвы не перечитает! А там, у тела отца, его уже ожидают приближенные бояре, для того чтобы митрополит Дионисий зачитал перед всеми завещание».

Сейчас Годунова, прежде всего, интересовал важный для него вопрос: кто же теперь будет управлять государством? Ведь преемников было немало. Это, прежде всего, Нагие, Романовы и

Шуйские, и вполне может быть, что государь завещал свой трон одному из них, а не своему сыну. Хотя предварительно уже было известно, что наследником станет царевич Федор Иванович, муж его сестры Ирины Федоровны. Но от Грозного можно было всего ожидать, потому что царь в своих решениях был очень изменчив.

Наконец Федор встал с колен и, грузно шагая, стал спускаться по лестнице. Несмотря на то что ему было еще двадцать семь лет, он был полноват, с кротким, добрым, почти всегда улыбающимся лицом, ястребиным носом и прослыл среди бояр и придворных блаженным, так как любил молиться, часто посещал монастыри.

В палате, где уже лежал покойный Иван Васильевич, прибранный придворными по чину, как полагается быть царской особе, горели зажженные свечи, сильно пахло ладаном, священнослужители читали молитвы. Федор заплакал навзрыд. Он нетвердой походкой подошел к отцу, упал перед ним на колени, долго молился, затем встал, поцеловал его в лоб и направился в кабинет отца, за ним последовали приближенные бояре, придворные и патриарх.

Федор Иванович сел в кресло своего отца и приготовился выслушать оглашение завещания, которое должен сделать митрополит.

Бояре и придворные расселись по лавкам,

расположенные вдоль стен. Всем было интересно, кому же все-таки Грозный завещал свой трон.

Митрополит медленно развернул свиток и, не торопясь, стал его читать.

Завещание было коротким, из него следовало, что наследником царского престола становится царевич Федор Иванович, а его младший брат Дмитрий наделяется уделом, городом Углич. Кроме того, в помощь Федору в управлении Россией Грозный назначал опытных придворных: дядю царевича Никиту Романовича Захарьина-Юрьева, князя Ивана Федоровича Мстиславского, князя Ивана Петровича Шуйского, Богдана Яковлевича Бельского и Бориса Федоровича Годунова, чтобы они помогли еще неопытному царю Федору править благочестиво, с любовью и милостью к народу, избегать войн с христианскими государствами. Кроме того, он завещал уменьшить с людей налоги и освободить пленных и заключенных.

Выслушав завещание, которое объявил митрополит, Федор Иванович встал, перекрестился на образа, подошел к Дионисию, поцеловал ему руку, молвил:

— Благослови меня, отец Дионисий, на царствование всея Руси!

Митрополит перекрестил будущего царя, дал поцеловать Федору серебряный крест, сказал:

— Благословляю тебя, раб Божий Федор, на царство над всей Россией, и правь ей так, как завещал тебе твой отец и наш царь Иван Васильевич.

Царевич поцеловал руку митрополиту, вернулся на свое место и, приветливо всем улыбаясь, ласково произнес небольшую речь:

— Принимая престол Русского царя, я надеюсь, что люди, которые назначены мне в помощники батюшкой, будут для меня опорой в нелегком деле управления нашим государством, и посему назначаю своего шурина Бориса Федоровича конюшим и моим слугой, главным управляющим в решении всех малых тяжebных дел в моей земле.

Царь Федор снял со своей шеи золотую цепь, подошел к Годунову и воздел на него со словами:

— Снимаю со своей шеи часть своих дел на твою и бремя правления, как внутреннее, так и внешнее, но чтобы без моего ведома и воли ничего не делал и не решал, потому как я царь всея Руси Великой.

* * *

После оглашения завещания Ивана Грозного митрополитом и державной речи наследника Федора Ивановича не все бояре и приближенные

дворяне были довольны происходящим. Особенно расстроился боярин Никита Романович, дядя царя, который предполагал, что главная роль при будущем царском дворе будет принадлежать ему. Его даже покорило, когда царь Федор надел свою золотую цепь на шею Годунова, тем самым показывая всем, что главная роль при дворе будет принадлежать новоиспеченному боярину и конюшему. Он даже предположить не мог, что царь назначит управляющим и помощником своего шурина.

Никита Романович, добродушный и душевный человек, чуть полноватый, но тем не менее деятельный, был приближенным царя Ивана Васильевича, хотя получил нарекания и даже попадал в немилость Грозного за Шведский поход, который проиграл, но вновь выслужился и участвовал в управлении государством Российским.

Никита Романович, будучи человеком не злобным и не мстительным, немного поразмыслив, решил для себя: «Да пусть властолюбивый Борис потешит себя, а я как был Федору дядей, так и останусь, и ко мне молодой царь, конечно, будет прислушиваться. Уж я-то постараюсь!»

Когда царь Федор произнес вступительную речь, тут же произошел раскол между советом, назначенным Грозным, как будто между ними пробежала черная кошка.

Никита Романович, Борис Годунов и думные дьяки братья Щелкаловы остались около царя. А князя Мстиславский, Воротынский, Головины, Колычевы и Шуйские, недобро поглядывая на своих конкурентов, перешептываясь между собой, вышли из кабинета царя.

Первым с возмущением заговорил Иван Петрович Шуйский:

— Вон оно как вышло: мы, Шуйские, прямые наследники престола по роду Рюриковичей, не только обойдены завещанием царя Ивана Васильевича, но, мало того, при всех унижены. От непредсказуемого царя Ивана можно было все ожидать, но то, что он завещает свой престол блаженному Федору, который только и может, что звонить на колокольне, да целыми днями Богу молиться?! А кто править государством будет?

— Дык кто?! Блаженный звонарь, — поддакнул Воротынский.

— Не скажите, бояре! Федор не так прост, как на первый взгляд кажется, да и жена у него неглупая, и шурин спит и видит, как он захватит повсюду власть, — возразил боярин Головин.

— Ведь это ж надо, свою золотую цепь снял, надел на Годунова и тут же сделал его боярином и управителем Российского государства! Как будто кроме Бориса некому позаботиться о государственных делах. Какой-то выскочка без

роду без племени — и ему вся власть! — продолжал возмущаться Шуйский.

— Ну а что ты хотел, Иван Петрович, теперь его сестра будет царицей, а для этого конюшего будут все двери открыты.

— А это мы еще посмотрим. Эх, зря царь Федор Иванович так положился на этого царевича. Он об этом еще не раз пожалеет, да только поздно будет. Ведь не зря говорят, что они с Бельским отравили Ивана Грозного.

— А говорят, удушили, — встрял в разговор боярин Мстиславский.

— Говорят-то люди разное, только я уверен, что Ивана Васильевича они действительно ухаживали, — продолжил Шуйский.

— Но в этом случае едва ли он будет вредить своей сестре. Какой ему резон? — сказал Головин.

— Да кто его знает, что там у него на уме?! Только я думаю, что Борис Годунов ради власти может пойти на все, — возразил Шуйский.

— Все это, бояре, разговоры и слова, да только что мы будем делать?! Как нам быть-то теперь? — разочарованно произнес Воротынский.

Надо что-то делать... — произнес Головин.

— Я думаю, что пока ничего не надо делать, а понаблюдать надобно. Жить, как прежде жили, и пока в споры и борьбу с Годуновым и его приспешниками не вступать. Ждать. А там жизнь

покажет, что надо делать. Еще венчания царя на престол не было. И будьте осторожны. Годунов если заподозрит что-то, со свету сживет.

* * *

31 мая 1584 года в Успенском соборе Московского Кремля Федор Иванович короновался на царство Российское. Он блаженно улыбался. Торжественная церемония ему нравилось. Но слабому здоровьем Федору было трудно держать на голове украшенную драгоценными камнями тяжелую шапку Мономаха, да еще держать в руках тяжелую золотую державу. Обливаясь потом, Федор снял шапку Мономаха, дал подержать стоящему рядом боярину Мстиславскому, а державу — Борису Годунову.

Присутствующие на коронации бояре и дворяне это заметили, и по залу прошел возмущенный говор. Боярин Никита Романович, родной дядя царя, зашептал ему на ухо:

— Что ж ты делаешь, Федор Иванович?! Разве можно при коронации вручать шапку Мономаха и державу в чужие руки?! Это плохая примета.

— Больше не могу держать эту тяжесть. Мне стало что-то дурно, если я еще подержу, то упаду в обморок.

Но дядя царя немедленно повелел водрузить

на место все царские атрибуты, затем шепнул на ухо Федору:

— Терпи, Федор Иванович, ты принимаешь на себя царство, сейчас на тебя смотрит весь православный люд.

Наконец митрополит стал читать книгу с увещеваниями царю творить в своем государстве истинное правосудие, мирно владеть венцом его предков. Затем митрополит благословил царя Федора на царствование и наложил на него крест.

Царь после краткой речи с обещаниями о своем справедливом царствовании для благоденствия народа и процветания России допустил каждого поцеловать его руку. Коронация закончилась преподношением богатых даров царю с пожеланиями долгой ему жизни и счастья в его царствовании.

Празднование по случаю коронации царя Федора продолжалось две недели и закончилось пальбой из пушек. Двадцать тысяч стрельцов, разодетых в бархат, салютовали из своих пищалей в честь нового помазанника Божьего, царя Федора Ивановича.

3

Окончательно утомленный от всех последних событий и различных душевных переживаний

Борис Годунов, немного откушав приготовленные слугами блюда, отодвинул еду от себя, задумался, а подумать было о чем. Его сильно беспокоили бояре Романовы, Шуйские и Нагие. Он прекрасно понимал, что борьба за власть с ними еще предстоит, возможно, не на жизнь, а на смерть. Он знал, что они так просто, без боя, не уступят ему место у трона царя, хотя царь Федор ему родственник. Осбенно большое влияние на помазанника Божьего оказывал и будет оказывать его дядя Никита Романович Юрьев-Захарьин.

Годунов стал рассуждать, разговаривая сам с собой:

— Трудная у меня будет, наверно, жизнь — роль управителя при царском дворе. Не сдадутся мои противники просто так.

Борис знал, что родовитые твердолобые бояре по роду Рюриковичей будут постоянно ставить ему палки в колеса и всячески оговаривать перед царем. Благо, что Федор Иванович не вышел характером в своего жестокого и грозного отца, а был набожен и ласков с людьми. Хоть многие и считали Федора блаженным и недалеким, но он-то хорошо знал, каков будущий царь государства Российского. От сестры Ирины Федоровны, теперь царицы, он доподлинно имел представление о царе: как говорят, в тихом озере все черти сидят. Муж его сестры не так прост, как кажется на первый взгляд.

Федор неплохо образован, по сравнению с ним, и кроме церковных книг много читал, хотя свои знания никому не показывал, был кроток и богомолен.

Жена Годунова тихо вошла в столовую. Это была стройная полногрудая женщина с черными вьющимися волосами, карими выразительными глазами. Греческий нос с небольшой горбинкой придавал ее лицу особую прелесть. Она подошла сзади к мужу, нежно обняла его за шею, поцеловала в щеку, спросила:

— Что же ты, мой Борис, сидишь тут один в столовой и не зовешь меня ужинать? — и, поглядев в глаза мужу, воскликнула: — А что это за мрачное настроение?! Тебе же радоваться надо, твоя сестра стала царицей. Федор Иванович сделал тебя боярином, назначил управителем государственных дел, а ты все недоволен.

— Это моя сестра стала царицей, но не ты, — грустно ответил Годунов.

— О, как тебя понесло! Ему всего мало! Уже возмечтал о троне, — заметила жена и весело рассмеялась, чем вызвала улыбку у мужа.

— Конечно, я не о троне мечтаю, а просто страшусь, сколько я теперь своим назначением приобрел врагов. Ты же, Мария, не хуже меня знаешь, какая сейчас развернется борьба за место около трона царя. И знаешь, какие Рюриковичи и их

приспешники твердолобые. Ты думаешь, они без боя сдадутся?

— Конечно, нет, — подтвердила жена.

— Ну так вот. Ты бы видела, какие взгляды они все на меня бросали.

— А ты, Борис, уже и испугался...

— Нет, Мария, я не испугался, но только понял, какая мне предстоит нелегкая жизнь. Они ведь будут на меня обязательно наговаривать и клеветать царю.

— Ты, милый, не расстраивайся. Я думаю, что ты справишься со всеми своими врагами, в придворных интригах ты не новичок. Самое главное — приобретай себе сторонников, не делай зла людям, подавай нищим и убогим. Молись Богу, и он тебе поможет преодолеть все трудности. Царица Ирина — твоя сестра, она тебя любит и слушает. Федор же в ней души не чает, и как ты повернешь, так и будет. А что бояре тебе завидуют, так их можно понять: ведь ты сразу же встал рядом с царем у трона. Помогай ему царствовать, и все будет хорошо. Господь нам поможет!

* * *

Федор Иванович в четыре часа утра уже был на ногах. Слуга помог ему одеться, умыться. Тут же в опочивальню заглянул его духовник

священнослужитель Алексей со святою водой и иконой Божией Матери. Царь прочитал вслух молитвы и направился к царице Ирине Федоровне. Он потихоньку открыл дверь в спальню, чтобы убедиться, проснулась ли его жена. Но Ирина сегодня почему-то вставать не торопилась. Она, сладко позевывая, потягивалась в кровати. Но уже горели восковые свечи, распространяя духмяный аромат воска и меда.

Федор, не дыша, подошел к кровати жены, нагнулся над ней, нежно поцеловал ее в губы, прошептал:

— Что-то ты, голубушка, разоспалась?

Ирина медленно встала. Служанка уже держала наготове одежды и сразу же стала облачать ее, приговаривая:

— Выспалась, царица наша, радость ты наша ненаглядная!

После заутрени Федор пошел в Приемную палату и стал принимать близких людей, отдавая предпочтение монахам. Любил Федор Иванович поговорить со священнослужителями и почти всегда с готовностью выполнял их просьбы.

Затем шли бояре и дворяне. Первым из них явился его дядя Никита Романович. Он радел о государственных делах и доложил царю, что царская казна после венчания и празднования изрядно опустела.

Поклонившись в пояс своему племяннику, он доложил:

— Федор Иванович, надобно усилить сборы недоимок с людей, причем как можно быстрее. Иначе не на что будет содержать армию, а вокруг нас, сам знаешь, везде враги. С севера прут шведы, с запада — поляки, с юга — татарва.

— Пока не даю согласие на увеличение поборов с народа, а вот дьяков, которые занимаются сборами, берущих взятки и без зазрения совести обкрадывающих казну, надобно наказать, выгнать их, ворующих в особо крупных размерах посадить в тюрьмы, а некоторых даже казнить, — ответил царь и, немного помолчав, добавил: — Этим займитесь с Борисом Годуновым. Он сейчас управляющий всеми делами. Обязательно надо освободиться от людей, которые разворовывают казну, берут взятки, а на их место поставить честных людей, чтобы они верой и правдой служили нашему престолу.

При упоминании имени правителя Годунова Никиту Романовича покорило. Он был очень недоволен началом правления царя Федора и предполагал, что ему достанется ключевая роль в царствовании молодого царя. Он знал, что многие земские дворяне и бояре были недовольны Борисом Годуновым и его родственником Богданом Бельским и хотели бы отстранения их от власти.

А в Москве назревали довольно тревожные события, очень опасные для Годунова и Бельского, которые спровоцировал Богдан. Будучи решительным, напористым и смелым человеком, на собрании во дворце он вступил в словесную перепалку с земскими дворянами, которые решительно набросились на него, да так, что он еле успел ретироваться в Кремль. Он спешно нашел Годунова и рассказал ему, что произошло во дворце. Борис Федорович решил тут же принять меры, иначе дворяне могли ворваться в Кремль.

Борис оглядел своего друга с ног до головы и, увидев его бледное перепуганное лицо, произнес:

— Немедленно вызывай стрелецкие сотни. Обещай им золотые горы, чтобы они нам верно служили и слушались только наших приказов. В Кремль никого не впускать и не выпускать. Стрельцов хорошо вооружить, расставить по стенам, пушки зарядить и факелы у фитилей держать наготове.

Богдан мигом помчался выполнять поручение Годунова.

Уже вскоре несколько сот стрельцов вошли в город. Богдан выстроил их и стал говорить:

— Служивые! Сегодня вы должны сослужить

верную службу молодому царю. За это вы будете дарованы большим жалованием и льготами.

Стрельцы зашумели, заговорили разом. Потом один из них, черноволосый, с вислыми усами, уже в возрасте, крикнул:

— Мы согласны постоять за батюшку-царя.

Богдан улыбнулся, крикнул:

— Ну а теперь, служивые, все по местам, и помните мой наказ: ничего не бойтесь, ничьи команды, кроме моей, не выполняйте.

Стрельцы послушно разошлись.

Бельский же, потирая руки от удовлетворения своей деятельностью, подошел к Годунову и негромко сказал:

— Пожалуй, из этих стрельцов я снова создам опричнину, как при царе Иване Васильевиче.

Борис хмыкнул, на некоторое время задумался, а затем согласился:

— А что, Богдан, может ты и прав. Этим мы убьем несколько зайцев. Уничтожим опекунский совет, который стоит нам поперек горла, уберем наших противников — бояр и земских дворян. Тогда у нас будут развязаны руки.

Время было обеденное, в это время Мстиславский и его гость Романов находились на своем подворье. В этот раз они трапезничали вместе. Уже выпили по чарке заморского вина и приступили к еде. Каждому из них слуга подал на

подносе зажаренного молочного поросенка. Аппетитный запах просто дурманил проголодавшихся бояр, а нежное молодое мясо возбуждало аппетит.

В трапезную почти бегом вошел слуга и выпалил:

— Сейчас появился земский дворянин Илья Федорович и сообщил, что в Кремле происходит что-то неладное. Годунов и Бельский заперли ворота, на стенах поставили стрельцов с пушками и пищалями. При приближении к воротам открывают стрельбу. Люди говорят, что они хотят опять возродить опричнину. Просил вас немедля явиться в Кремль, так как они пропустят только вас, чтобы унять этих бывших опричников.

4

Мстиславский и Романов, окруженные вооруженными холопами, подошли к Кремлю и стали стучать в ворота.

На стене появился стрелец и раздраженно крикнул:

— Чаво долбитесь?

Здрав голову, Мстиславский крикнул в ответ:

— Откройте ворота, иначе сломаем и войдем!

— Попробуйте! — зло ответил стрелец и сделал знак остальным. Те залпом выстрелили в

воздух.

— Вы что там совсем осатанели? Мы советники царя Федора Ивановича, и вы обязаны нас впустить немедленно!

— Нам не было такого указания, чтобы пускать посторонних.

— Это мы-то посторонние?! — зашелся в гнев боярин Романов.

— Да я вас за это всех на дыбу отправлю, — уже не на шутку закричал Мстиславский. — Немедленно зовите сюда ваших начальников Годунова и Бельского, иначе мы призовем весь честной народ и возьмем Кремль штурмом!

Стрелец на некоторое время исчез и вскоре появился в сопровождении Годунова и Бельского. Бельский, нагло улыбаясь, крикнул:

— Ну что, бояре?! Что вы хотели?

— Немедленно откройте ворота, мы хотим войти в Кремль к царю Федору Ивановичу, а то, не ровен час, уже сгубили его, как Ивана Васильевича!

— Наш царь находится в добром здравии и вам того желает. А вот таких, как вы, к нему допускать не нужно. Вы вместе с Шуйским так и норовите всучить трон какому-нибудь польскому или шведскому королю. Поэтому мы сегодня учреждаем вновь опричнину, чтобы вычистить предателей.

— Да вы что, совсем там тронулись умом?! —

уже не на шутку взревел Романов. — Да я сейчас подыму всю Москву, и мы выкурим вас из Кремля! Открывайте ворота, пока не поздно!

В это время на площади все больше и больше прибывал народ. Люди вооружались чем могли, плотную придвинулись к воротам. Толпа волновалась, шумела и возмущалась.

Видя все это, рассудительный Борис Годунов посоветовал своему другу Богдану:

— Надобно, Богдан, открывать ворота, иначе они вынесут их и нас всех перебьют.

— Сейчас открывать ворота очень опасно. Видишь, сколько народу на площади. Если они ворвутся в Кремль, то они все тут разнесут.

— Что делать будем? — в замешательстве спросил Борис.

— А я вот что предлагаю. — ответил хитроумный Бельский. — Давай сделаем так: запустим бояр через калитку без охраны на переговоры, а там видно будет.

— Хорошо, — согласился Годунов и крикнул стоящим у ворот Мстиславскому и Романову: — Мы только вас запустим в калитку и без охраны.

Стоящие у ворот бояре, посовещавшись некоторое время, согласились:

— Открывайте калитку, мы согласны, но имейте в виду: если вы нас не выпустите, то наши холопы, да и вся Москва, пойдут на приступ и

возьмут Кремль.

По распоряжению Бельского в Кремль впустили Романова и Мстиславского.

Время шло, а бояре не возвращались. По всему было видно, что они оказались в заложниках.

Толпа на площади стала проявлять нетерпение. Народ все прибывал и прибывал. Уже с оружием в руках у кремлевских ворот появились вооруженные дворяне и бояре. Назревало антиправительственное восстание.

Ляпунов Прокопий и Ляпунов Захарий, рязанские дворяне, встали во главе мятежников. Основную же направляющую роль в это время играли князья Шуйские. Они не напрямую, а исподтишка руководили действиями восставших.

Василий Шуйский подозвал к себе боярских сыновей Михаила и Гаврилу, которые гарцевали на лошадях в сторонке от толпы.

Когда молодые люди подошли к князю, тот внимательно оглядел их и спросил:

— Не хотите ли вы помочь нам и не допустить смерти нашего царя Федора Ивановича? А то от этих супостатов можно ожидать всего, что угодно.

Гаврило и Михаил решительно заявили:

— Что нужно делать? Мы всегда рады помочь государю нашему!

— Скачите, ребята, по улицам Москвы и призывайте народ к Кремлю! Сообщайте, что

государь в опасности и его надо спасать.

Посланцы лихо вскочили на коней и помчались выполнять поручение Шуйского.

Шуйский же обратился к братьям Ляпуновым и предложил:

— Надобно идти к Флоровским воротам Кремля и попытаться разбить их. Они укреплены меньше, чем другие. И если их хорошо постучать бревном, то они развалятся.

Толпа подступила к воротам. С десятков мужиков подхватили огромное бревно и с разбегу стали бить по воротам, которые трещали, но выдерживали удары.

На стене появился стрелец, крикнул в толпу:

— Перестаньте разбивать ворота, иначе прикажу стрелять!

Но восставшие, не обращая на него внимания, продолжали разрушать ворота. Уже полетели щепки от дубовых досок.

Деятельный Прокопий Ляпунов вскоре приказал холопам развернуть большую пушку на Лобном месте в сторону Кремля. Дело принимало серьезный оборот. Еще немного — и разъяренная толпа ворвется в Кремль, и начнется расправа с неугодными дворянами и боярами.

Стрельцы сделали залп над головами людей. Восставшие на площади притихли. Тогда со стены крикнул сотник Алексей:

— Если вы не прекратите разбой, то я прикажу стрелять из пищалей и пушек!

Восставшие стали кричать в ответ:

— Откройте ворота! Освободите Мстиславского и Романова!

— Где государь? Жив ли он?

Стрелецкий сотник крикнул в ответ:

— Государь жив и здоров, и на его жизнь никто не покушался! Мстиславский и Романов находятся с государем!

Восставшие стали кричать в ответ:

— Выдайте нам Бельского и Годунова, а мы сами их будем судить!

Толпа ревела:

— Отдайте нам Бельского и Годунова! Тогда мы уйдем!

— Кто же их вам отдаст?! Ведь это государевы люди!

Восставшие еще больше закричали и двинулись к воротам. Холопы стали кидать камни в стрельцов, а дворяне — стрелять из луков. Несколько стрельцов, обливаясь кровью, упали со стены. Разъяренная толпа тут же набросилась на них, раздирая на части.

Стрельцы стали палить в толпу из пищалей, из пушек. Всю площадь заволокло пороховым дымом. Кричали раненые и умирающие. Люди стали метаться по площади, пытаясь скрыться от

выстрелов, давя друг друга. Толпа отступила подальше от стен, оставив лежать более двадцати человек убитыми и ста ранеными. Те, которые были еще живы, пытались встать, призывая людей помочь им.

Восставшие стали готовиться к осаде Кремля: притащили лестницы, вооружались кто чем может.

Видя сложность положения и понимая, что осажденным не устоять против всего города, стали совещаться:

— Что делать будем, Богдан? Кремль нам не удержать, — печально констатировал Годунов.

— Это понятно, что надо идти на переговоры. Да только ведь они нас с тобой требуют выдать для расправы, — тревожно ответил Бельский.

— Я, Богдан, предлагаю: во имя сохранения нашей власти, придется смириться тебе и отправиться в ссылку. А я через некоторое время верну тебя назад.

— Почему я должен идти в ссылку и терять власть? Почему не ты, а я?

— Хорошо, Богдан, давай вместе отправимся в ссылку, тогда кто же нас оттуда будет выручать? Ведь Романовы, Нагие и Шуйские только этого и ждут, чтобы полностью захватить власть. У меня сестра царица и зять царь! Я по-родственному выкручусь из этой ситуации, которая произошла по твоей милости, а тебя тут же сотрут в порошок

наши враги. Поэтому, мой друг, как ни крути, а жертвовать придется тобой, и моли Бога, чтобы все обошлось. Выдавать мы тебя народу не будем, а сейчас же кого-нибудь из смышленных дворян пошлем к восставшим, постараемся договориться с народом и объявим, что тебя отправили в отставку, а затем и в ссылку. Ты согласен?

Бельский в досаде сорвал с себя шапку и бросил ее наземь, заскрежетал зубами, сжал кулаки, кое-как сдерживая себя, чтобы не накинуться на Бориса, медленно хриплым голосом заявил:

— Ну что ж, объявляйте об отставке! Я согласен! Раз все это произошло по моей вине!

Борис Годунов подозвал думного дворянина Михаила Безнина и дьяка Андрея Щелкалова и без всяких предисловий попросил:

— Сможете ли вы сейчас выйти к восставшим и начать с ними переговоры о примирении?

— Да они нас растопчут и растащат по кускам, если мы к ним выйдем, — испуганно ответил Безнин.

— Мы же посылаем вас не сейчас, прежде всего, переговорим со смутьянами, а тогда уж вы выйдете к народу.

— Что мы им скажем? Ведь народ требует не возобновлять опричнину, выдать вас и Бельского, — заметил Щелкалов.

— Прежде всего, надо попытаться народ

успокоить. Пообещать им, что никакой опричнины не будет, что это сплетни, а главного виновника всей смуты Богдана Бельского царь отправляет в отставку, а затем в ссылку. Ну а про меня скажите, что Борис Годунов, наоборот, уговаривает всех не вводить опричнину и договориться всем между собой.

— Борис Федорович, мы согласны выполнить ваше поручение, только вы предварительно договоритесь с восставшими, что когда мы выйдем на переговоры, чтобы нас не тронули, — согласился Щелкалов.

— Хорошо. Я сейчас попрошу стрельцов, чтобы они вас вывели на стену, пока поговорите с народом, а там видно будет.

На стену вышел стрелецкий сотник в сопровождении Михаила Безнина и Андрея Щелкалова.

Сотник, подойдя к краю стены, крикнул:

— Слушайте все!

Все находившиеся на площади замолчали. Затем кто-то из холопов крикнул:

— Выдайте нам Годунова и Бельского, и мы разодемся.

— Тогда уйдите с моста, у кремлевской стены к вам выйдут думный дворянин Михайло Безнин и дьяк Андрей Щелкалов, и обо всем договоритесь.

— Мы согласны! — выкрикнул Прокопий

Ляпунов.

Тут же восставшие стали уходить с моста, освобождая место для прохода послам.

Через некоторое время калитка в кремлевских воротах чуть приоткрылась, затем вышли посланники, настороженно озираясь по сторонам.

— Идите сюда поближе, не бойтесь, коли пришли договариваться. Мы вас не тронем, — пообещал Ляпунов, видя, как настороженно ведут себя переговорщики.

Михаил и Андрей уже более уверенно подошли к восставшим.

— Давайте говорите, что вы там, в Кремле, надумали, — в грубоватой форме потребовал Захарий Ляпунов.

— Да что тут говорить? Царь Федор Иванович велел вам передать, что зачинщика смуты Бельского он отправляет в отставку, а затем в ссылку, что опричнину никто возрождать не будет, сплетни все это.

— А Годунова куда повелел царь отправить? — жестко спросил Ляпунов.

Посланник Михаил озадаченно потер рукой переносицу, не зная, что ответить, но тут на помощь пришел находчивый Андрей Щелкалов.

Тот уверенно и твердо спросил:

— А Годунова-то за что? Ведь только он и радел за то, чтобы прекратить сегодня

междоусобную бойню. Он уговорил всех послать нас на переговоры.

— Так вон оно что! — задумчиво произнес Прокопий Ляпунов.

— Ну что, вы согласны прекратить бунт и разойтись по своим домам?

Толпа некоторое время молчала, затем Василий Шуйский громко сказал:

— А что?! Дело сделано, Бельского царь в ссылку отправляет; пожалуй, и нам пора расходиться по домам. Главное, что наш государь жив-здоров, опричнины не будет.

5

После всего случившегося Борис Годунов понял, что нужно, прежде всего, искать поддержки среди дворянства. Изворотливый царский шурин всегда умело выходил из любой ситуации, предпочитая находиться в тени, не выставляя себя напоказ. Последнее время Годунов особенно сошелся в делах с дьяком Андреем Щелкаловым, человеком умным, пронырливым и деятельным. Пока в царской Думе шли междоусобицы, Борис все больше и больше сосредотачивал власть в своих руках.

Царь Федор был слаб здоровьем и слег от болезни. Борис понимал, что он может в любое

время умереть, а сестра его Ирина едва ли сохранит за собой престол. Впервые за все время Годунов почувствовал, что так удачно начатая карьера, возможно, скоро рухнет. И уже, наверно, в этот раз его не спасет ни родство с царем Федором, ни его дружеские отношения с Андреем Щелкаловым. Бориса стали постепенно оттеснять от царского престола. Боярская дума ополчилась на всех Годуновых, которые уже занимали знатные должности при дворе. Борис стал лихорадочно искать возможность спасения от опалы, пытаясь если не сохранить свою должность при дворе, так хоть обеспечить будущее своей семьи.

Мария, жена Бориса, видя, что ее любимый муж последнее время стал замкнутым и неразговорчивым, решила с ним поговорить.

Разговор состоялся вечером в опочивальне. Мария уже лежала в постели, поджидая мужа. Было тихо и спокойно, горели, потрескивая, свечи, распространяя аромат воска и меда. Наконец ее долгожданный муж явился в спальню и, не глядя на жену, лег рядом с ней, отвернулся и притих.

На этот раз Мария решила не сдаваться и все-таки выведать, что же творится на душе у ее супруга.

Она нежно провела рукой по его волосам и зашептала на ухо:

— Что с тобой, Борис, происходит, почему ты

молчишь и, как прежде, не делишься со мной своими делами и думами? Что с тобой, расскажи, на душе легче будет...

Борис резко повернулся к жене и, не сдерживая себя, почти выкрикнул:

— Неужели ты, Мария, не видишь, что происходит? Царь Федор очень болен и уже едва ли снова воссядет на престол. Ирина же, если умрет Федор, не сможет удержать в своих руках власть. Бояре, как коршуны, вьются вокруг почти уже пустого трона. Вся Боярская дума против нас, Годуновых, ополчилась. Мы им как кость в горле!

— Что же ты намерен теперь делать? — с тревогой спросила Мария.

— В случае, если Федор умрет, нам надобно к этому подготовиться, чтобы во время опалы жить безбедно. У меня есть мыслишка, только ее надо бы хорошо продумать.

— А у меня, Борис, имеется другая, — перебивая мужа, заявила Мария.

— Какая же? — оживился Борис, зная, что жена его часто давала ему дельные советы и частенько выручала его из безвыходных ситуаций.

— Прежде всего, нужно найти бабку-колдунью, которая может лечить любые болезни, и попробовать поставить царя на ноги.

— Где же найти такую бабку? — тут же заинтересовался супруг.

— Есть такая бабка Елена, юродивая, многих больных она подняла на ноги. Она не только умеет лечить, но и предсказывает будущее.

— Тогда, Мария, сыщи ее, пусть приведут ко мне.

— Завтра к обеду она будет у тебя. Можешь обо всем с ней поговорить.

— Если все-таки с бабкой ничего не получится, надобно сделать пожертвования Троице-Сергиеву монастырю, хотя я и раньше им много жертвовал и давал разные льготы. А на этот раз дам монастырю тысячу рублей, дабы обеспечить своей семье безбедное существование. Ведь в случае опалы у нас все отберут.

Мария с удивлением взглянула на Бориса, воскликнула:

— Так это же огромные деньги! Может дать им поменьше?

Годунов печально улыбнулся, но ничего жене не ответил.

Супруги некоторое время молчали. Затем первой заговорила Мария:

— Вообще-то ты правильно решил, ведь и правда, в случае опалы у нас все отберут, зато наши вложения останутся в монастыре, и мы сможем ими пользоваться.

— Ничего, бояре меня так просто не разорят! — с воодушевлением сказал Годунов и

продолжил: — Я еще месяц назад отправил в Лондон к королеве Елизавете моего друга Джеромора Горсея с письмом, чтобы она разрешила вывезти мне свое состояние в Англию. Пусть тогда почешутся бояре Мстиславские, Шуйские, Головины, Воротынские и с ними митрополит Дионисий.

Мария очень удивилась сказанному Борисом и воскликнула:

— Что же ты, Борис, мне об этом никогда не говорил?

— Не хотел тебя, милая, расстраивать, а сейчас подошло время, поэтому будь готова и к тому, что, возможно, нам даже придется бежать в Англию.

— Неужели все так плохо?.. — с тоской в голосе молвила жена.

— Будем надеяться, что Господь услышит наши молитвы и все наладится, — с надеждой в голосе, перекрестившись, ответил Борис.

* * *

Царь Федор Иванович, бледный и обессиленный своей болезнью, лежал на высоко поднятых подушках и надсадно кашлял, когда в его опочивальню вошли Годунов и его жена Мария.

Федор открыл глаза, посмотрел с надеждой на

пришедших, попытался изобразить на лице приветливую улыбку, но вместо этого получилась горькая гримаса, и произнес слабым голосом:

— Давеча мне Ирина Федоровна сказала, будто вы нашли бабку, которая может исцелять болезни.

— Да, Федор Иванович, эта бабка уже здесь и ждет, когда мы позовем ее, чтобы она посмотрела тебя.

— Давайте же ведите ее поскорее, а то эта проклятая болезнь совсем измучила меня. Эти всякие иноземные лекари только хвалят себя, какие они умелые, а сами ничего не могут.

— Мария, позови бабку Елену, пусть она войдет, — попросил шурин царя.

Елена несмело вошла в спальню, с интересом озираясь по сторонам, она никогда не видела такого богатства и царской роскоши.

— Подойди, Елена, к царю, — попросила Мария.

Бабка перекрестилась на образа и встала на колени перед царем, часто кланяясь и накладывая на себя крест.

— Встань, целительница, подойди ко мне ближе и посмотри, что со мной, — слабым голосом сказал царь, выирая покотившиеся из глаз слезы.

Бабка наклонилась над царем, внимательно его оглядела, потрогала морщинистой рукой его

лоб, молвила:

— Болезнь царя излечима. Велите кипятить воду и дайте мне в помощницы молодую, сметливую девку.

Елена опять наклонилась над царем, заглянула ему в глаза, провела рукой по его лицу, и Федор заснул безмятежным сном.

Царица Ирина Федоровна с удивлением сказала:

— Ведь он уже несколько дней маялся бессонницей, кашель не давал ему ни минуты покоя, а тут, поглядите, уснул и не кашляет.

Елена повернулась к царице, внимательно на нее поглядела, наклонилась до самого пола и молвила:

— Царица ты наша всемилостивая, разреши мне тебе кое-что сказать!

— Говори, Елена, коли по делу.

— Вскоре, как только выздоровеет твой муж и царь государства российского, ты забеременеешь. Только не доверяй докторам иноземным, тогда выносишь ребенка.

Ирина всплеснула руками, заулыбалась, молвила:

— Неужели правда! Если так будет, я тебя, Елена, озолочу.

— Так и будет, милая, я никогда зря не говорю.

Годунов подошел вплотную к старухе, негромко сказал:

— Если это произойдет, Елена, будешь жить припеваючи!

Глаза у Бориса засветились надеждой от того, что, кажется, его минует беда, что все наладится, и он снова будет управляющим при дворе. Мысленно он уже строил планы мести своим врагам и соперникам, которые желали его падения, а может даже и смерти. Он прошептал своей жене Марии на ухо:

— Умница все-таки ты у меня, женушка! Как ты удачно мне посоветовала привести к царю эту бабку. Эх, если все направится, как сказала эта колдунья, и попляшут у меня бояре Шуйские, Мстиславские, Воротынские и Головины.

Бабка Елена пристально посмотрела на Годунова и загадочно сказала:

— А тебя, боярин, ждет большое будущее, будешь ты первым человеком при царе. А если еще освободишься от своих пороков и грехов, то будет очень хорошо. А теперь уходите все отсюда, я займусь больным. Мне над ним придется трудиться всю ночь.

Бабка Елена наклонилась над царем Федором и зашептала свои заклинания.

Все потихоньку удалились из опочивальни царя.

Уже утром Федор Иванович почувствовал себя гораздо лучше.

С утра он неистово, правда лежа, молился на образа. Просил Иисуса Христа и Богородицу дать ему здоровья. Лицо его оживилось, появился блеск в глазах. Впервые за несколько дней он попросил поесть. Но бабка Елена, прежде всего, напоила его настоями трав, а уже через некоторое время велела его попоить куриным отваром и жиденькой кашей.

После завтрака у царя на лице появилась улыбка и легкий румянец на щеках.

Царица Ирина Федоровна не отходила от постели мужа. Глядя на него, она не могла нарадоваться.

Борис Годунов появился в опочивальне рано утром. Ему не терпелось посмотреть, что же происходит с царем. Ведь от здоровья Федора зависела его судьба.

Он подошел к изголовью больного, спросил:

— Как ты, Федор Иванович, себя чувствуешь?

Царь с улыбкой взглянул на шурина и бодро ответил:

— Легче мне стало, Борис Федорович! Если так дело пойдет, то скоро встану на ноги.

— Ай да бабка Елена! Всех иноземных лекарей за пояс заткнула, — и, повернувшись, достал из привязанного на поясе кошелька несколько золотых монет, подал целительнице.

Та, перекрестившись на иконы, спрятала дар за пазуху и строго сказала:

— А сейчас выйдите из опочивальни. Я буду читать молитвы нашему Господу и просить его, чтобы он дал здоровья нашему государю Федору Ивановичу.

6

Вскоре царь Федор пошел на поправку. Уже через неделю он стал заниматься государственными делами. Борис снова почувствовал твердую почву под ногами. Теперь-то он решил, что не упустит возможность дать отпор Боярской думе, которая любыми путями старалась устранить его подальше от царского престола.

После возвращения из храма с заутрени царя Федора и царицы Ирины государь пошел в приемный покой, чтобы заняться делами. Не успел он удобно расположиться за столом, чтобы рассмотреть грамоты, как в кабинет заглянул Борис Годунов. Увидев его, Федор Иванович приветливо заулыбался своему шурину, спросил:

— По какому делу пожаловал, Борис Федорович?

— Есть неотложное дело, государь, которое сегодня надо будет решить в присутствии всех думных дворян.

— Что за неотложное дело? — спросил царь.

— На сегодняшний день, Федор Иванович, государственная казна разворована нечестными боярами и пуста. Надо это прекратить. Опираясь на поддержку Шуйских, главный казначей Петр Головин добился, чтобы вторым казначеем был назначен его родственник Владимир Головин. Они бесконтрольно пользуются государственной казной, как собственной, и бессовестно разворовывают ее. Надобно, Федор Иванович, сегодня предложить Боярской думе проверить государственную казну.

Царь от такого известия даже побелел, сжал руки в кулаки, воскликнул:

— Да как же это так, ведь я этим боярам доверял!

— Доверяй, но проверяй, как говорят в народе, — с усмешкой ответил Годунов, чувствуя, что задел царя за живое, и в то же время понимал, что этой проверкой он нанесет сокрушительный удар по Боярской думе и от многих своих противников может освободиться.

— Ну что же, сегодня же предложу Думе провести проверку государевой казны, и ты, Борис Федорович, эту проверку возглавишь, а потом все доподлинно сообщишь мне.

Вскоре в приемном покое стали собираться думные бояре, они все, кланяясь царю, надменно взглянув на Годунова, гордо проходя мимо него,

садились по лавкам, которые располагались вдоль стен.

Многие из них уже считали, что дни его при дворе сочтены.

Петр Головин зашептал на ухо Василию Шуйскому:

— К чему бы это царский шурин приперся в такую рань?

— Наверно, опять придумал какую-нибудь подлость. Сейчас узнаешь. Ты посмотри, государь, как прежде, даже не улыбается. Видно, сегодня будет что-то очень серьезное! — в тревоге ответил боярин Василий Шуйский.

Заседание Боярской думы царь Федор сразу же начал с обсуждения проверки государевой казны. Обычно Федор обращался ко всем присутствующим с приветливой улыбкой. Сегодня же лицо его было суровым и голос, не терпящий возражения. Глядя на казначея Петра Головина, с возмущением сказал:

— Пользуясь недавним моим пребыванием на престоле, а также болезнью, люди, которым была доверена государственная казна, без зазрения совести стали пользоваться ею, как своей, обогащая себя и своих родственников.

В Приемной палате наступила гнетущая тишина. Владимир и Петр Головины заерзали на месте, опустив головы, боялись посмотреть в лицо

царю.

Никто из бояр не проронил даже слова в защиту своих единомышленников. Василий Шуйский даже на всякий случай отодвинулся от Головина.

Царь в упор посмотрел на провинившегося Петра, тот поднял голову и выпалил:

— Это надо еще доказать! — надеясь, что Дума его поддержит, но все по-прежнему молчали, так как все доподлинно знали, что царь говорит правду.

— Что ж, мы проверим казну, и по этому случаю я назначаю управителя Бориса Федоровича Годунова. Он в ближайшее время подберет людей для полной проверки государевой казны. Если казна на самом деле разграблена, главному казначею придется держать ответ за содеянное.

После этих слов по Думе прошел негромкий говор:

— Ну, бояре, и настал наш час! Теперь Годунов на нас выпится, — зашептал боярин Романов рядом сидящему Василию Шуйскому.

— Уж этот из шкуры вылезет, а докажет, что казна растащена Головиными. А хотя бы царь подумал, сколько денег и золота ушло на все церемонии его воцарения на престол, — ответил Мстиславский.

Борис Годунов с проверкой не заставил себя долго ждать, уже через неделю государева казна была полностью проверена. В ней обнаружились довольно крупные хищения. Утром, в начале седмицы, управляющий был у царя в Приемной палате. В душе его все ликовало: теперь-то он нанесет огромный урон Боярской думе, освободится от многих своих соперников и укрепит свое прежнее положение при дворе.

Царь Федор еще только-только расположился за письменным столом, чтобы просмотреть грамоты, как в Приемную палату неслышно вошел Годунов.

Шурин присел на лавку, ожидая, когда царь обратит на него внимание. Наконец, Федор оторвался от грамоты, посмотрел на своего родственника, заулыбался и сразу же спросил:

— Борис Федорович, неужто уже проверил казну?

У Годунова на лице появилась торжествующая улыбка, но он тут же сделал печальное лицо и грустно ответил царю:

— Федор Иванович, я тщательно проверил все, что осталось в государственной казне.

Царь встревоженно спросил:

— Там хоть что-то осталось?

— Осталось, Федор Иванович, но разворовано немало. Большие убытки понесла государева казна. Не только сотни рублей, но и золотые и меховые изделия украдены.

Годунов положил на стол перед царем мелко исписанную грамоту и сообщил:

— В этой грамоте, Федор Иванович, перечислены все убытки, которые понесла государева казна.

Царь взял в руки исписанный лист и стал читать. Через некоторое время он положил его на стол, грустно произнес:

— Вот и верь после этого верным слугам. Я, признаться, еще надеялся, что ты ошибся и наговариваешь на Головиных, а все оказалось чистой правдой.

— Что будем делать с Головиными, государь? Федор на какое-то время задумался, затем сказал:

— За такое преступление всех Головиных нужно казнить, чтобы другим неповадно было.

— Больше всего наказание заслуживает Петр Головин, и его надобно казнить, а остальные Головины заслуживают ссылки и лишения должностей и состояния. Хотя Михаил Головин уже скрылся, говорят, убежал в Литву.

— Как только сегодня явятся бояре, ты, Борис Федорович, доложишь им результаты проверки

казны. Пусть боярский суд решает, что делать с супостатами.

* * *

Хищение государевой казны было настолько крупно, что боярский суд вынужден был приговорить Петра Головина к смертной казни, а его братьев окольников Ивана и Владимира отправить в ссылку без думного чина в Чебоксары. Еще шесть родственников Головиных были приговорены к отправке в Сибирь и Казанские пригороды.

Борис Годунов ликовал: наконец, он нанес враждебной ему Думе сокрушительный удар. Бояре попритихли, перестали открыто выступать против управителя.

Казнь Петра Головина состоялась утром, на Торговой площади. Его привезли в клетке под охраной стрельцов. Сразу же подвели к высокому помосту и передали в руки палача. Бывший казначей от страха упирался, постоянно озираясь по сторонам, как бы ища защиты и сострадания от окружающих.

Народ же, собравшийся на площади, свистел, кричал, а некоторые пытались прорваться сквозь строй служивых, чтобы самим учинить расправу над злоумышленником. Постоянно слышались

крики:

— Смерть злодею! Смерть казнокраду!

— Рубите ему голову быстрее! Пусть умрет вор и злодей!

Здоровенный детина-палач с широким топором взял за шиворот Петра и подтащил к чурке.

Вышел на помост дьяк с грамотой и стал монотонно читать ее, где перечислялись все совершенные преступления казнокрада и его родственников.

Уже с раннего утра царь Федор сидел в Приемной палате и размышлял о предстоящей казни. Вся душа его противилась, чтобы привести решение Боярской думы в исполнение — казнить Петра Головина.

В голове крутились заповеди Иисуса Христа: «Не убий! — Ибо Господь Бог запрещает отнимать жизни у других людей или у самого себя. Жизнь есть величайший дар Божий, и только Бог назначает пределы земной жизни человека».

И тут же в голову приходила другая заповедь Иисуса: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец наш небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

Лежа в болезни почти на смертном одре, он

дал слово перед Господом, что будет соблюдать все заповеди Иисусовы, если он подымеется и выздоровеет. И вот пришел этот час. Он должен простить злоумышленника.

Царь тут же написал грамоту, велел немедленно отвезти ее на Торговую площадь и остановить казнь.

Борис тут же возмутился:

— Да как же это так, Федор Иванович! Ты хочешь простить злодея, который разграбил почти всю государеву казну?

Царь Федор с укором посмотрел на своего шурина, молвил:

— Я дал Господу обет неуклонно соблюдать все заповеди Иисусовы, а «не убий» и «прощай ближнего» являются одними из его заповедей. Годунов затоптался на месте, пытаюсь возразить, но царь в гневе стукнул посохом об пол, крикнул:

— Немедленно исполняй! И если казнят Головина, то ты будешь в ответе! Казнь я заменяю ему ссылкой в Арзамас.

Палач уже занес топор над головой несчастного Головина, как вовремя подоспевший Борис Годунов крикнул:

— Стой! Прекратить казнь!

Палач с недоуменным лицом застыл с занесенным над жертвой топором. Потом с сожалением опустил к своим ногам орудие казни.

Управитель подал грамоту дьяку. Тот медленно развернул указ царя и стал читать. В грамоте говорилось, что смертная казнь Петру Головину заменяется ссылкой в Арзамас с лишением всех званий и чинов. Кроме того, по указу царя Федора, Ивана и Владимира Головиных и их родственников велено сослать в Сибирь.

Толпа, пришедшая поглазеть, как вору и изменнику отрубят голову, не получив удовлетворения, завозмушалась, забурлила. Разгневанные горожане кричали:

— Смерть вору и изменнику!

Вся огромная масса народа, заполнившая Торговую площадь, двинулась к помосту, готовая сама произвести расправу над провинившимся. Хорошо, что предусмотрительный Годунов заранее дал распоряжение конным стрельцам, и они медленно стали оттеснять народ с Торговой площади.

7

Казалось, Боярская дума понесла урон. Из нее были выдворены влиятельные враги Годунова Головины. Но борьба для управителя только начиналась. Хотя многие из бояр прикусили языки и перестали вредить Борису, но это было временно.

Удельный князь Мстиславский еще при царе

Иване Грозном занимал пост главы Боярской думы. Он был человеком покладистым, со слабой волей, и нерешительным.

Не успели еще все успокоиться в связи с событиями отлучения от царского престола Головиных, как бояре стали закручивать новую интригу. И над царским шурином нависла новая беда.

Бояре задумали ударить по самому больному и уязвимому месту в царской семье. Царица Ирина долго не могла забеременеть и родить наследника. Стали все поговаривать, что она бесплодна.

На княжеском подворье Мстиславского в конце седмицы собралось несколько бояр-заговорщиков, для того чтобы как можно больше ослабить власть царского шурина. Бояре сидели в трапезной за богато накрытым столом, который ломился от блюд, вин и медов. Степенные мужи, поглаживая свои бороды, неспешно обсуждали последние события и решали, как им жить дальше. Никто не хотел при дворе власти Годуновых, этих худородных дворян-выскочек. В них раздражало все: и желание властвовать, и желание влиять на царя, и получать огромные доходы. Никто не хотел смириться с властью управителя, считая его худородным дворянином, недостойным быть первым приближенным царя.

Гости с удовольствием отведали кушанья

хозяина, выпили по доброй чарке вина, разговаривая меж собой вполголоса.

Наконец, громко заговорил хитрый, изворотливый и коварный Василий Шуйский:

— А что, бояре, доколе мы будем терпеть этого выскочку Годунова?

— Придется пока терпеть, вон как он расправился с Головиными. И вы хотите того же, — ответил за всех боярин Колычев, поглаживая черную с проседью бороду, и добавил: — Выходит, не так-то просто нам его скovyрнуть, как-никак шурин государя, а сестра его царица Ирина большое влияние оказывает на Федора, и как ни крути, с этим приходится считаться. Государь слушает Годунова.

— Лихо он нашу Думу подсек с Головиными-то... — подал голос хозяин.

— А я ведь неоднократно предупреждал Петра Головина. Всегда ему говорил: перестань воровать, особенно из государевой казны. А он только похохатывал, отвечал: «А я делаю так, что им и в голову не влезет, особенно теперь, когда болеет царь и в государстве нет доброго царя», — заметил Шуйский.

— Похохатывал-похохатывал да допохохатывался, что попал как кур во щи и нас всех подвел, — вмешался в разговор Колычев.

— Надо заметить, бояре, и зарубить себе на

носу впредь и навсегда, что Борис Годунов — довольно хитрый и изворотливый противник и со счетов нельзя скидывать ничего. Во-первых, при дворе и даже среди ваших слуг у него везде глаза и уши. Поэтому языки свои не распускайте, ведите разговоры против царского шурина с остережением, — опять вступил в разговор Василий Шуйский, а затем продолжил: — У Годунова есть одно слабое место. Тут пришла у меня одна хорошая мыслишка, если мы ее осуществим, то под корень отрубим Бориску от престола, и власть его на этом кончится.

— Так говори же скорее, не тяни за душу, — заторопил Шуйского Мстиславский.

— Царь Федор ведь уже давно живет с царицей Ириной, а детей у них до сих пор нет. Кто же унаследует престол? Ведь Федор слаб здоровьем, а в случае чего, кто же займет царский трон? — вкрадчиво заговорил Шуйский.

— А ведь и правда, бояре! Это для нас может сыграть хорошую услугу по отстранению Бориса от трона! Только как мы это сделаем? — подал голос Мстиславский.

— Надо, бояре, писать грамоту и бить челом перед царем Федором, чтобы он развелся с Ириной, и предложить ему взять в жены дочь боярина Мстиславского. Я думаю, митрополит нас поддержит, — предложил Шуйский.

Мстиславский вначале засмутился, но потом вдруг согласился, заявив:

— А что, бояре, дочь моя красавица, совершенно здоровая девица, и я уверен, что она народит нашему царю Федору здоровых детей.

— Так-то оно так, только вы все знаете, что Федор женился на Ирине по большой любви. Он безумно любит свою жену и никогда на это не согласится, — засомневался князь-боярин Воротынский.

— Надо сделать так, чтобы он согласился. Надо будет что-то придумать, — подал голос боярин Колычев.

— Только как? — с боязнью в голосе спросил Мстиславский.

— Надобно пустить слух, что Годунов, ради того чтобы царица родила наследника при живом муже, желает сосватать за Ирину австрийского герцога католика, а в случае неудачи бежать к английским протестантам, — высказал свою идею Шуйский.

— Да это же глупо и нелепо выглядит, бояре! — возмутился Воротынский.

— Чем нелепее слухи, тем им больше верит народ, — успокоил Воротынского Шуйский.

Василий Шуйский полушутя-полусерьезно обратился к Мстиславскому:

— Я бы, Иван Федорович, на твоём месте

пригласил его в свой дом, мы бы помогли его уходить.

Князь побледнел и, заикаясь, спросил:

— К-к-как это уходить? Не буду я такой грех на душу брать!

Василий усмехнулся и с укором сказал:

— Эх ты, Иван Федорович, Иван Федорович, напрасно ты так. А вот если у Годунова появится причина убрать тебя со своего пути, то он, не задумываясь, перешагнет через твой труп.

Бояре все притихли, молча слушали диалог между князьями.

— А что, Иван Федорович, и правда, зови этого управителя домой, мы уж тут найдем, как его прибрать к рукам.

В это время послышался скрип двери. Бояре, услышав этот звук, притихли. Колычев вскочил с места, подошел к двери, приоткрыл ее, огляделся вокруг, затем, сев на место, произнес:

— Никого нет, наверно, сквозняком приоткрыло дверь.

Иван Петрович Шуйской обратился к Мстиславскому:

— Все ли слуги у тебя надежны, не донесут ли они Годунову о наших разговорах? Не дай Бог, Годунов узнает о наших думках, тогда, бояре, большая беда будет.

Иван Федорович всех успокоил:

— Слуги и холопы, которые у меня на подворье, все надежные и проверенные. Тем более, когда они накрыли нам стол, я велел им всем удалиться в свои каморки и не совать сюда свой нос. А кто ослушается, тот получит по сто плетей на конюшне. Так что, бояре, нам нечего опасаться.

* * *

В это время Еремей, соглядатай Годунова, незаметно выскользнул в свою каморку, где он проживал как слуга и холоп князя Мстиславского. Он не боялся, что его заметят и дадут сто плетей за то, что он без веления боярина подошел к двери трапезной и слушал разговоры гостей. На то у Еремея были основания так себя вести. Когда он был еще маленьким, его отца забили до смерти кнутами на конюшне по распоряжению боярина Мстиславского. Мать же его с горя наложила на себя руки. Еремей вырос на подворье у боярина, питаясь объедками с княжеского стола, выполняя черные работы по хозяйству.

Время шло, и из неуклюжего и нескладного мальчишки вырос здоровенный детина сажень в плечах. Еремей по-прежнему выполнял на подворье самые тяжелые работы, а также охранял боярина и его дом от лихих людей. Но злоба на Мстиславского за отца и за мать в нем не угасла. Он

покаялся себе, что когда-нибудь все равно отомстит своему хозяину за содеянное им, за убийство родителей.

Годунов заметил Еремея, велел своим людям разузнать о нем все. А когда ему поведали о судьбе родителей Еремея, он тут же решил, что это тот человек, который ему нужен. Люди выследили молодого человека, когда он по поручению своего господина был в городе.

Ничего не подозревающий холоп шел по грязной улице, разъезженной телегами. Тут из-за угла дома вышло несколько работных людей. Один из них произнес:

— Далеко ли торопишься, добрый молодец?

— Да вот спешаю выполнить поручение моего господина.

— Погодь, Еремей. С тобой хочет поговорить знатный боярин. Пошли с нами, это тут недалеко.

— Говорите здесь, чего мне с вами ходить. Некогда мне, хозяин ждет.

— Пошли, пошли не пожалеешь.

Работные люди проводили Еремея в подворье, где у ворот стояли стрельцы, охраняя покой хозяина. Стрельцы ввели его в дом. Приглашенный несмело сделал несколько шагов, не зная, что его ждет и кто с ним хочет встретиться. В полумраке помещения Еремей не сразу увидел человека, который внимательно его разглядывал. Ощущая

пристальный взгляд, гость смутился, не зная, что ему делать дальше. Но сидящий человек знаком пригласил его сесть на лавку.

Еремей сел, огляделся по сторонам, затем стал разглядывать сидящего напротив человека, в котором тут же признал Бориса Годунова.

— Ты знаешь, кто я?

— Да, знаю. Я неоднократно видел вас у моего господина, а также при царском дворе, где я бываю вместе с боярином Мстиславским.

— Ты, Еремей, наверное, знаешь, что в смерти твоих родителей виноват боярин Мстиславский, — сразу же перешел к делу Годунов.

— Да, знаю, — односложно ответил приглашенный.

— Ты когда-нибудь думал о том, чтобы отомстить своему господину? — задал вопрос управитель.

— Я не только думаю об этом, я просто мечтаю! Но такой возможности у меня нет и вряд ли когда представится.

— Считай, что у тебя такой случай появился.

— Да неужели?! — воскликнул Еремей и спросил: — Что я должен делать?

— Ничего особенного. Нужно будет последить за своим боярином и сообщать мне, что происходит на подворье Ивана Федоровича.

— Хотите из меня сделать соглядатая? —

разочарованно произнес Еремей.

— Я ничего ни вижу в этом плохого. Кроме того, что ты отомстишь за своих родителей, но еще будешь получать от меня деньги, а если проявишь расторопность и ум, то потом будешь служить у меня.

— Так-то оно так, да уж сильно боязно. Не ровен час, узнает боярин, что я докладываю тебе, не жить мне тогда на свете.

— Не бойся, Еремей, я всегда сумею тебя защитить. А в будущем, если все у тебя будет получаться, я назначу тебя дьяком Тайного приказа.

— Хорошо, господин, я согласен. Что я должен делать?

— Пока сообщать все, что происходит на подворье боярина Мстиславского. С кем встречается, о чем говорят.

8

Немало беспокойства принесло Годунову сообщение от его соглядатая Еремея. Он был не на шутку встревожен сообщением своего осведомителя. Борис понимал: если думные дворяне по-настоящему возьмутся за его сестру Ирину, то могут действительно испортить жизнь ему и его родственникам. Годунов почти всю ночь не спал, метался по опочивальне, искал выход из

создавшейся ситуации, но ничего путного не приходило в голову. Жена Мария, проснувшись ночью от его шагов по спальне, некоторое время наблюдала за своим мужем, затем спросила:

— Что это ты сегодня, Борис Федорович, по спальне ночью разбегаешься? Что опять случилось?

Годунов устало присел на лавку, опустил голову и в отчаянии сказал:

— Кажется, Мария, все, чего я добивался, рушится!

— Да что же произошло, Боренька, чем я тебе могу помочь?

Муж поднял голову, посмотрел на жену и, глядя в никуда, ответил:

— Могла бы помочь, если бы подсказала способ, как обрюхатить мою сестру.

Жена насмешливо сказала:

— А что царь-то Федор не может?

— Видно не может, если наследника пока нет...

— Еще произведут, пусть лучше стараются, — улыбаясь, ответила Мария, затем спросила: — Что это так тебя волнует?

— Тут заволнуешься. Ты знаешь, что думные бояре удумали? Подать челобитную царю Федору о разводе его с Ириной как бездетной и не могущей родить наследника, а в жены отдать дочь Мстиславского.

От удивления Мария даже села в кровати и возразила:

— Ничего у них, Борис, не получится, по крайней мере, в ближайшее время. Федор очень сильно любит Ирину и им откажет. Тебе же, Борис, надо заранее поговорить с царем, подготовить его и всячески оговорить бояр, что Мстиславский хочет пристроить свою дочь, а через нее, когда она станет царицей, захватить власть. А я завтра схожу к колдунье Елене, пусть приготовит заговоренные травы и попоит ими Ирину, чтобы она забеременела.

Годунов поднял голову, в глазах его засветилась надежда.

* * *

Думные бояре не заставили себя долго ждать. Решили действовать, уж больно велик был соблазн.

У Мстиславского в столовой палате была составлена челобитная с просьбой отдать на пострижение в монастырь бездетную Ирину, иначе престол останется без наследника, и в связи с этим на Руси начнется смута. Бояре по такому случаю челобитную писали собственноручно, чтобы об их деле никто не знал и не поползли слухи по Москве.

Бородатые думные мужи жарко обсуждали почти каждое предложение, от старательности

потели и по очереди писали грамоту царю Федору.

Когда заговорщики написали челобитную, стали решать, кто же ее вручит царю.

Вот тут-то началось самое сложное: никто не хотел вручить царю, заранее зная, что вся их затея провалится. А как царь на это прореагирует, только Богу известно.

После длительного спора решили послать к царю Мстиславского и Колычева.

Иван Федорович, как мог, отказывался от этой нелегкой миссии:

— Ну посудите сами, бояре! Как я могу это вручить царю? Я же глава Боярской думы, и вдруг явлюсь к царю с такой челобитной!

— Вот ты как раз больше всего там нужен. Тебе-то царь больше поверит и послушает лучше, чем кого-либо другого, — возразил Шуйский.

— Да он меня вышвырнет из Приемной палаты и слушать не будет.

— Говорить, что надо делать, вы все горазды, а как до дела дойдет — вы сразу же на попятную, — с укором возразил Шуйский и посоветовал: — Ты же у нас, Иван Федорович, глава Боярской думы. Вот и воспользуйся своим положением. Вручи царю челобитную и скажи, что думные бояре очень озабочены наследием престола и, желая добра государю, решили помочь в продлении царского рода.

Колычев, сидящий в углу, вдруг захихикал и, давясь от смеха, бросил:

— Ты, Иван Петрович, так советуешь, будто вся Боярская дума желает помочь в зачати наследника. Только вы уже все староваты для этого дела.

Шуйский, махнув рукой, с раздражением ответил:

— Опять ты, боярин, со своими неуместными шуточками! Тут серьезное государственное дело решается, а он шутить изволит. Некогда нам, бояре, шутковать. Если мы с вами ничего не предпримем против Годуновых, то всех нас Бориска выпроводит с царского двора. Так что выбирайте, шутковать нам или все-таки попытаться отлучить Годуновых от государева престола. Вы посмотрите, как он умело всех неугодных ему дворян и бояр убирает со своего пути. Сейчас он управитель всех государевых дел, а дальше что?! И сдается мне, если мы его не остановим, он постепенно сядет на престол вместо Федора, уберет его с места, для этого много путей.

— Какие же такие пути? — поинтересовался Мстиславский.

— Да очень простые. Подсыплет в питье или еду яду — и престол свободен, а наследников нет. Вот он и заберется на царское место.

— Ну ты, Иван Петрович, хватил...

Во-первых, он из бедного обнищавшего дворянства, выбился наверх благодаря опричнине. Во-вторых, чтобы стать царем, надо, прежде всего, быть из рода Рюриковичей. Поэтому никто ему не позволит сесть на государево место. Никто на это не даст согласия, ни мы, ни народ, а если это произойдет, то начнется великая смута. Сейчас очень удобный момент отлучить Годуновых от царя.

Мстиславский, все еще сомневаясь за успех поручаемого дела, тут же возразил:

— Не знаю, бояре, как и поступить. Боюсь я за удачу дела. Если об этом узнает Борис Годунов, то все, что мы задумали, обернет против нас.

Шуйский после этих слов встал со своего места и с раздражением воскликнул:

— Тогда зачем мы тут собрались? Давайте, будем дело делать или пойдем по своим домам, пусть Бориска нас по одному уничтожает!

— Ладно, Иван Петрович, садись. Я сделаю, как вы хотите, передам ему челобитную, а там будь что будет.

— Тогда так и порешим. Ты, Иван Федорович, завтра же с самого утра вручишь челобитную царю. А теперь, бояре, пора нам по домам, уже поздно. Утро вечера мудренее.

* * *

В эту ночь Мстиславский почти не сомкнул глаз. Он ворочался с боку на бок, обливался потом в своей постели. В конце концов, встал, стал ходить из угла в угол по своей опочивальне. Уже к утру сон все-таки сморил боярина, только после того, как он прилег на широкую лавку, застланную волчьей шкурой. Ему стало на какое-то время легче, он заснул тревожным сном.

Снился боярину довольно странный сон. Он с челобитной от дворян со страхом вошел в Приемную палату к царю. Но там было темно, Мстиславский стал озираться по сторонам, ища трон царя, но его нигде не было.

Но вот он услышал голос, очень похожий на Годунова:

— Иди сюда, Иван Федорович.

Мстиславский пошел вглубь Приемной палаты и увидел на троне Бориса Годунова. Его глаза зловеще горели. Борис протянул свои длинные руки и, ухватив его за горло, прорычал:

— Ну что, знатный боярин?! Вот я и на престоле! — и сжал его горло.

Мстиславский в страхе закричал:

— Не убивай меня, Борис Федорович! — и открыл глаза. На его плече сладко спал его любимый рыжий кот и, мурлыча свою кошачью песню, от удовольствия выпускал когти.

Мстиславский сбросил кота со своего плеча,

воскликнул в сердцах:

— Тьфу ты, чертяка! И приснится же такое?!

Кот обиженно посмотрел на своего хозяина и на всякий случай убрался под лавку.

Уже забрезжил рассвет. Надо было собираться на прием к царю.

Но как только Иван Федорович вспомнил, что ему идти с челобитной к государю, у него даже в животе похолодело.

* * *

Годунов, как обычно, утром пораньше пришел в царскую Приемную палату. В этот раз для того, чтобы рассказать государю о готовившейся боярами челобитной о разводе царя с его сестрой. Дверь в царский кабинет была плотно закрыта, но через нее были слышны возбужденные голоса Федора и Мстиславского.

Борис в сердцах от досады воскликнул:

— Тьфу ты! Уже опередили бояре! Вот только к добру это или к худу?

Управитель прислонил ухо к двери, пытаясь расслышать, что происходит за дверью.

Царь кричал:

— Да как это вам в голову пришло, чтобы я свою любимую жену отправил в монастырь, а женился вновь на твоей дочери?!

Мстиславский даже не оправдывался, молчал.

— Ты же, Иван Федорович, не только глава Боярской думы, на помощь которой я рассчитывал в управлении государством Российским, но и мой родственник!

Боярин, заикаясь, попытался ответить:

— Я же Федор Иванович не от себя написал челобитную, это писали бояре.

— Почему ты взялся нести мне эту грамоту? Почему они сами не пришли ко мне? Что это за заговор?

— Но ведь и вправду, Боярская дума озабочена тем, что трон останется без наследника, если что...

— Что, если что?.. — переспросил Федор.

— Да мало ли что бывает, ты же ведь слаб здоровьем.

— Или прирежете, или отравите меня!

— Да ты что, государь! У нас и мыслей таких не было!

— Знаю я вас, многие именитые бояре спят и видят себя на троне!

Федор встал, сложил кукиш и крикнул:

— Вот вам, а не трон! Пошел вон!

Мстиславский попытался оправдаться, но царь затопал ногами, стукнул боярина посохом по спине, закричал:

— Вон отсюда! Чтобы глаза мои тебя не

видели!..

Боярин в страхе помчался к выходу, а государь крикнул ему вслед:

— Моя жена Ирина народит столько наследников, что вам у трона не останется места!.. — и бросил вдогонку просителю челобитную.

Иван Федорович, весь красный, с белыми пятнами на лице, пулей вылетел из Приемной палаты, чуть не сшиб Годунова, который еле-еле успел отскочить в сторону.

Управитель ехидно усмехнулся и, обращаясь к Мстиславскому, спросил:

— Куда это вы, Иван Федорович, так торопитесь?

Боярин, ничего не ответив, быстрым шагом удалился, бормоча себе что-то под нос.

Борис Годунов торжествующе подумал: «Ну вот, и еще один мой соперник, можно сказать, повержен».

9

Войдя к царю в Приемную палату, Борис застал его в полном смятении. Федор сидел за столом, сжимая рукой посох так, что руки его побелели, и что-то бормотал себе под нос.

Годунов подошел к государю и тихо сказал:

— Что ты, Федор Иванович, так расстроился? Не нужно так близко к сердцу все принимать. Сам знаешь, чего добиваются бояре. Они хотят тебя изолировать от нас, чтобы мы не могли тебе советовать и помогать в управлении государством, чтобы самим диктовать свои условия, а затем предать государя и страну полякам или шведам.

Царь молча слушал своего управителя, все еще не приходя в себя от происшедшего.

Годунов, пользуясь моментом, продолжал:

— Мои соглядатаи выяснили, что бояре тайно собирались у Мстиславского и чинили заговор против государя, чтобы убрать царицу Ирину, как не способную родить наследника, и против меня подбивали Мстиславского: заманить меня в гости и отравить, чтобы я не мешал им творить их черное дело.

Федор, очнувшись, зло произнес:

— Не позволю глумиться над царицей Ириной и ее родственниками! Я им покажу заговоры!

Годунов с любопытством поглядел на шурина и удивился: Федор преобразился, стал чем-то похож на своего отца Ивана Грозного. Борис подумал: «Все-таки порода берет свое».

Наконец Федор окончательно успокоился, обратился к шурина:

— Что будем делать, Борис Федорович, как поступим с Мстиславским? Больше главой

Боярской думы его оставлять нельзя. Слишком он слабохарактерный.

— Действительно, пора убирать Ивана Федоровича, но надо это сделать как-то по-родственному, без огласки, чтобы меньше было разговоров и пересудов в народе. Отправим его в монастырь, пусть замаливает свои грехи, — предложил правитель.

Царь взял перо, пододвинул к себе чистый лист бумаги, задумался.

Годунов сидел молча, ожидая, что предпримет Федор.

— Что ж, я, пожалуй, напишу указ об отстранении боярина Ивана Федоровича с главы Боярской думы по его просьбе и болезни.

— Вот это правильное решение, Федор Иванович, — похвалил Борис государя.

— Борис Федорович, ты иди по своим делам, а я напишу указ.

Борис встал и произнес:

— И правда, государь, пора мне по своим делам, — и направился к выходу, затем у двери остановился, повернулся лицом к царю, сказал: — Ты, Федор Иванович, не горюй, будут у тебя еще дети.

Федор печально улыбнулся, махнул рукой, давая понять, чтобы правитель ушел, но все-таки пообещал:

— Да будет тебе, Борис. Конечно, будут, куда они денутся.

* * *

Колдунья Елена по просьбе Марии Григорьевны, жены Годунова, была приглашена в покои царицы для исцеления от бесплодия.

Бабка пристально взглянула на Ирину, бормоча что-то себе под нос. Затем велела ей раздеться донага и лечь на кровать.

Царица безоговорочно выполнила просьбу Елены. Та долго осматривала ее, щупала костлявыми руками тело, живот, груди. Затем велела ей одеться и сесть в кресло напротив иконы Божией Матери, зажгла свечи. Стала шептать молитвы. После прочтения молитв колдунья сказала, что Ирина — женщина здоровая и может рожать детей, что все неудачи в зачатии потомства из-за царя Федора, из-за его мужской слабости и нездоровья.

— Что же нам делать, как помочь моему мужу Федору, чтобы у нас появились наследники? — спросила у старухи Ирина.

Старуха присела на лавку, обитую мягкой красной тканью, на какое-то время задумалась, что-то забубнила себе под нос, затем вскинула взгляд на царицу и успокоила:

— Ты, моя голубушка, не беспокойся, я, пожалуй, тебе помогу. Я приготовлю отвар нужных трав, а еще расскажу тебе, чем его кормить. Настой надо будет пить каждый день свежим. Будешь ко мне каждый день посылать служанку. Поить надо три раза в день до еды. Утром на заре читай восемь раз молитву, которую я тебе дам.

— Бабушка Елена, ты думаешь, это поможет моему мужу?

— Я думаю, поможет. Я еще побываю на крестинах твоего ребенка. Но то, что я тебе скажу, обязательно выполняй так, как я тебе велю. Да не вздумайте приглашать иностранных лекарей, они только все испортят. Корми своего мужа сытно яйцами, мясом с хорошим красным вином, только понемногу, но чаще.

— Я просто не знаю, Елена, как его убедить, чтобы он кушал хорошо. Царь постоянно сидит на сухом хлебе и воде и молится до изнеможения по несколько часов в день.

Бабка что-то недовольно забубнила себе под нос, затем посмотрела внимательно в глаза царицы, покачала головой и посоветовала:

— Если твой муж Федор хочет иметь наследника престола, он должен послушаться тебя. А ты постарайся уговорить его, да так, чтобы он хорошо ел и пил настои трав.

Ирина перекрестилась на образа со словами:

— Да просит меня Господь за мой грех, что буду отвлекать от веры моего любимого мужа!

— Не расстраивайся, царица, ради такого дела Господь простит и поможет заиметь вам деток. В этом греха нет никакого, — успокоила Елена. Она медленно поднялась с лавки, взяла свой деревянный посох и, сгорбившись, пошла к выходу, не сказавши больше ни слова.

Царица подозвала к себе служанку, велела:

— Дарьюшка, выведи Елену из дворца, чтобы никто ее не видел, а то пойдут разговоры всякие. Мол, с колдуньей знается. И начнут всякую чепуху сочинять. Народ у нас на выдумки горазд.

* * *

Между тем бояре не собирались сдаваться. Они стали пускать слух среди народа, якобы Борис Годунов хочет уморить царя Федора и вместо него посадить австрийского католика.

Вскоре царица Ирина забеременела, этим предотвратив на время развивающиеся грозные события.

Осторожный правитель надеялся, что роды сестры пройдут благополучно, но бабке Елене до конца не доверял, поэтому из Лондона была вызвана опытная акушерка. Но бояре, не заинтересованные в рождении наследника, стали

распространять слух, что едет докторша еретичка-католичка, которая может только навредить при рождении наследника царя, и неизвестно, какой он родится. Докторшу задержали в Вологде, где она и жила долгое время, а затем вынуждена была вернуться назад.

Тем не менее беременность вроде бы проходила нормально, Борис радовался, что и на этот раз он утрет нос заносчивым боярам.

Все началось неожиданно. Еще вечером царица чувствовала себя хорошо, была весела и радовала Федора своими сказками. Тот внимательно ее слушал и улыбался, глядя на жену и ее живот. Он мечтал о скором появлении наследника, уже придумал имя в честь деда Ивана.

Неожиданно царица схватилась за живот и прошептала, испуганно глядя на царя:

— Ой, что-то мне плохо, Федор! Ой, ой, очень в животе больно!

Царь вскочил с места, забеспокоился, глядя на Ирину, положил ее на кровать, стал звать на помощь слуг, чтобы они привели лекаря.

Вскоре прибежал лекарь, посмотрев на царицу, заявил:

— У царицы Ирины преждевременные роды.

Ирина, сморщившись от боли, прошептала:

— Зовите бабушку Елену.

Вскоре доставили в опочивальню

целительницу и повитуху. Она немедленно выдворила из спальни царицы всех лекарей, оставив только двух молодых служанок, велела приготовить побольше мягкой чистой ткани, принести кипяченой воды. Достала из своего узелка травы, которые всегда были при ней. Велела служанкам растирать их в ступке. Сама же стала осматривать царицу. Потрогала ей живот и, покачав головой, молвила:

— Эх, Ирина, Ирина, ну как же ты так не убереглась. Довела себя до преждевременных родов. А сейчас я едва ли чем тебе смогу помочь. Дай Бог спасти тебя. Что же случилось, что у тебя это началось?

Ирина, морщась от боли, ответила:

— Вчера я поторопилась, спускаясь по лестнице, и упала. Сначала было вроде бы и ничего, а вот к ночи стал побаливать живот.

— Ну, как же ты, милая, не убереглась-то? Столько мы с тобой положили сил, чтобы этот ребенок появился на свет. Да, видно, Господь не дал ему жизни, — и старуха перекрестилась на образа.

Роженица опять закричала от невыносимой боли, выгнулась всем телом, стала просить Елену:

— Ой, помоги мне! Не дай мне умереть мученической смертью! Сделай же что-нибудь!

Старуха стала поить царицу отваром,

приготовленным из трав, приговаривая:

— Не реви, голубушка, сейчас будет легче. У тебя уже начались схватки. Ты тужься, тужься, может и все обойдется.

От боли роженица беспрестанно кричала и стонала.

Старуха то и дело повторяла:

— Ты тужься! Тужься, милая!

Наконец ребенок пошел. Старуха стала помогать роженице, наклонившись над ней, повторяя:

— Ты тужься! Тужься, Ирина!

Царица зашлась в страшном крике и потом затихла; видимо, почувствовала облегчение, что плод вышел наружу.

Елена засуетилась, потребовала ткани, приговаривая:

— Ты тужься! Тужься, чтобы вышел послед.

Ирина лежала без движения, прикрыв глаза. Крупные слезы катились по ее щекам.

Повитуха, взяла ребенка на руки, сказала:

— Был бы мальчик, будущий царь Руси великой!

Услышав эти слова, царица зарыдала.

Старуха стала гладить ее по голове, приговаривая:

— Будет тебе реветь, будут еще у тебя дети, коли уж начала рожать, узелок развязался.

Узнав о том, что у царицы случились преждевременные роды, Борис Годунов не находил себе места. Он прекрасно понимал, что бояре с еще большей силой возьмутся за царскую семью ради того, чтобы известить его и всех Годуновых.

После случившегося бояре активно начали распространять слух о том, что на престол Годуновы хотят возвести знатного австрийского католика и при живом муже сватают его за царицу Ирину.

Всякие слухи и разговоры о царской семье как снежный ком росли и катились по Москве, все больше обрастая небылицами.

Также нарастали слухи, будто умершего от преждевременных родов наследника подменили на только что родившегося ребенка в стрельцкой семье.

Василий Шуйский, собрав бояр на своем подворье, в тревоге сообщил:

— Однако мы, бояре, перестарались. Как бы вся наша затея оклеветать царскую семью и правителя Годунова не обошлась нам боком.

— Это точно, бояре. По Москве бродят толпы народа, готовые в любой час ворваться в Кремль. А вы сами знаете, если наш народец возьмется

бунтовать, начнутся погромы. Разнесут все, и нам достанется, что уже неоднократно бывало, — высказался Колычев и, повернувшись ко всем присутствующим, предостерег: — Пока не поздно, надобно погасить назревающий бунт.

— А что теперь делать-то будем? — в тревоге спросил Воротынский.

— Я выступлю посредником, в примирении между Думой и Годуновыми. Постараюсь успокоить народ.

— Эх, как все хорошо складывалось! Смели бы мы Годуновых с лица земли и делу бы конец, — с сожалением молвил Иван Петрович Шуйский.

— Все это так, но если вы хотите, чтобы чернь разгромила ваши подворья да еще красного петуха пустила, то можно не отступать от нашей затеи, — заметил хитрый Василий Шуйский и добавил: — Опять Борис выкрутился. Придется нам с ним мириться.

В это время распахнулась дверь, в палату буквально ворвался бледный стрелецкий сотник и с порога закричал:

— Беда, бояре! Беда!

— Что случилось-то, говори скорее?! — с нетерпением спросил Василий Шуйский.

— Весь московский люд восстал, сломали ворота, ворвались на площадь перед Грановитой палатой, требуют выдать всех Годуновых, чтобы

побить их камнями! — возбужденно ответил сотник.

— Ну, вот, бояре, мы и дождались, чего боялись! Надобно немедленно идти в Кремль, чтобы как-то успокоить народ.

10

Переполненная гневом толпа народа заполонила площадь перед Грановитой палатой. Народ вооружился кто палками, а кто и камнями. Возмущенная чернь кричала:

— Выдайте нам Годуновых на расправу! Не выдадите — мы разнесем все тут вокруг и доберемся до вас, бояр!

Впереди толпы выскочил тщедушный работный мужичонка и писклявым голосом закричал, махая суковатой палкой:

— Что вы стоите? Идем громить все подряд, а там и до Годуновых доберемся.

Обстановка в толпе накалялась, еще немного — и вся толпа кинется к Кремлю и начнется погром.

Бояре, стоящие на крыльце, в страхе попятились назад.

В это время задние ряды толпы расступились, и к крыльцу проследовал митрополит Дионисий. Он держал в руке большой серебряный крест. За ним

следовали именитые бояре Шуйские, Воротынские и другие.

Люди нехотя расступились, пропуская процессию.

Митрополит, поднявшись на крыльцо, трижды осенил толпу крестом, обратился к народу:

— Во имя Господа нашего Иисуса Христа! Уймите свою гордыню, успокойтесь и не берите греха на душу.

Из толпы послышался крик:

— Выдайте Годуновых нам на расправу! Они губят Россию и хотят захватить престол!

Рядом с Дионисием встал Иван Шуйский и обратился к бунтующим:

— Нам не за что гневаться на Годунова. Мы живем с ним мирно, нам нечего делить. Борис Годунов честно исполняет государево поручение правителя! И напрасно вы обозлились на знатного боярина и государственного мужа.

Но два купца, которые стояли впереди толпы, по-видимому, предводители, перебивая Шуйского, кричали, обращаясь к народу:

— Не верьте боярам! Пусть выдадут нам всех Годуновых, ибо от них нас всех ждет гибель!

Настроение бунтовщиков переменилось. Они уже не слушали купчишек и нерешительно затоптались на месте. Стали бросать наземь камни и палки.

Иван Шуйский, не теряя времени, продолжал:

— Зачем нам проливать кровь друг друга? Все у нас хорошо. В Думе мы живем дружно. Государь наш премного нами доволен. Идите, мужики, по домам, вас там ждут жены и дети.

Обстановка среди толпы изменилась, люди заговорили меж собой, а некоторые стали кричать, обращаясь к народу:

— И, правда, пойдем по своим домам. Займемся своими делами!

Толпа стала медленно расходиться. Работный люд, почесывая затылки и споря меж собой, пошел за ворота. Вскоре площадь опустела, только и остались после бунтовщиков валяться камни да палки.

Но два купчишки никак не могли успокоиться, всячески пытались задержать людей, призывая вернуться и требовать выдачи Годуновых.

Как только площадь опустела, по приказу правителя тут же были закрыты крепко-накрепко кремлевские ворота.

Борис в окружении своих людей появился на крыльце, отдал приказание стрелецкому сотнику:

— Михаил Иванович, расставь на стенах усиленную охрану стрельцов. Да зарядите пушки, и чтобы фитили были наготове. Если вновь придут бунтовщики под стены, стреляйте из пушек и пищалей.

Затем подозвал к себе Еремея, который после ссылки боярина Мстиславского постоянно находился при Борисе и стал одним из незаменимых слуг, особенно в ведении тайных дел соглядатайства за неугодными правителю людьми:

— Еремей, ты выявил зачинщиков, которые привели народ на площадь бунтовать?

— Да, Борис Федорович. За всеми этими людьми ведется слежка, и в нужный момент мы их найдем.

Годунов подошел поближе к своему слуге и прошептал ему на ухо:

— Всех этих людей сегодня ночью схватить, чтобы их в Москве и духу не было.

— А куда ж я их дену?

— Знатных сослать в ссылку, а тех, кто яростно хотел бунтовать и зачинщиков, особенно двух этих купчишек, которые особенно глотку рвали, уничтожить.

— Будет сделано, Борис Федорович, как вы приказали, — с поклоном ответил Еремей и тут же двинулся в окружении верных Годунову соглядатаев выполнять поручение правителя.

А Годунов отправился на свое подворье. Ему нужно было поделиться происшедшим и посоветоваться со своей женой Марией, которая была его умным советчиком.

Жену Борис застал в ее опочивальне, она

стояла на коленях и молилась у иконы Пресвятой Богородицы. Она шепотом читала молитву, часто крестилась, делала низкие поклоны.

Управитель не стал перебивать ее молитву, хотя ему хотелось тут же поделиться происшедшим с Марией.

Он устало опустился в кресло, задумался, а подумать было о чем... Он знал, что ради того чтобы всех Годуновых удалить от престола, бояре пойдут на все. Уже сегодня их судьба висела на волоске. Если бы испугавшиеся погромов бояре не вступились за него, возможно, уже он не был бы жив. Как поступить, что делать, Годунов не знал. Что теперь ожидать от своих врагов? Самое слабое место — это его сестра, которая почему-то никак не могла родить наследника престола. На это и делали ставку его злопыхатели.

Наконец, Мария закончила молитву, подошла к своему мужу, села рядом и в тревоге произнесла:

— Что, Борис, будем делать, как жить дальше? Ведь наши враги не успокоятся, пока нас со свету не сживут!

— Может и правда, посадить вместо Федора какого-нибудь австрийца королевских кровей?

— Это, Борис, не выход. Если даже мы посадим на место Бориса австрийца, то боярам нас будет еще легче столкнуть. Федор-то хоть души не чаёт в твоей сестре, любит ее. А австриец вряд ли

будет бороться за нас. Нужно нам все-таки выждать, бояре все равно отступятся. Сейчас, я слышала, они собираются собрать Земский совет, чтобы принять решение всем миром о пострижении царицы в монахини. Но это еще не так важно, так как бояре не уверены, примет ли царь эту челобитную от совета всей земли. Это уж его воля. А он, конечно, откажет им, и они ничего не смогут сделать против решения Федора.

Годунов молча слушал жену, что-то про себя обдумывая.

Мария, пристально глядя на своего мужа, вдруг спросила:

— Интересно, кого они хотят посадить царицей вместо твоей сестры?

— А вот я не знаю. Я уж почти всех боярских дочерей, которые близки царскому роду, отправил в монастыри.

— А я думаю, Борис, что рано ты расстраиваешься.

— Это почему же? — с удивлением спросил Годунов.

— Я тебе вот что по этому поводу скажу. Федор полностью находится под влиянием твоей сестры. А он очень упрям. Вспомни, на что уж его отец был жесток, а так и не мог его склонить к разводу с Ириной, а уж Думу или митрополита он и слушать не будет. Вот увидишь, как он их погонит

посохом. А тебе, Борис, я советую, не теряя времени, постарайся завести разговор с царем и царицей, разъясни им, чего добиваются бояре. Они тебя послушают и сделают так, как ты посоветуешь. И забудь о том, что ты хотел выдать Ирину за иностранца, чтобы сохранить трон. Ты совершаешь большой грех перед людьми и Богом. Бояре постараются использовать против тебя все, что им под силу. Тебе же, Борис, надо с завтрашнего дня постараться сравить царя с боярами.

— Это я уж постараюсь сделать в наилучшем виде, — пообещал правитель.

— Но это еще не беда. Беда нас с тобой ждет впереди.

— Какая беда нас ждет еще и откуда?

— Что бояре затеяли всем миром заставить Федора насильно постричь Ирину в монахини, ерунда. Царь им откажет, и они ничего с ним не поделают. Как только это их дело не состоится, они, по-видимому, возьмутся за царевича Дмитрия, который сейчас находится в Угличе.

Услышав это, Годунов даже побелел, заволновался, встал и заходил взад и вперед по опочивальне, повторяя:

— Как же это я упустил Дмитрия из виду? Ты, Мария, спасительница моя. Надобно немедленно послать в Углич своих людей, чтобы они не сводили глаз с царевича и докладывали мне, что

там происходит.

— Я уже давно на это обратила внимание и пока тебе ничего не говорила. Но при царевиче находится служанка, которая мне обо всем сообщает. Так вот, дорогой мой Борис, Василий Шуйский давно уже туда запустил свои ручки. По-моему, они готовят заговор против царской семьи и хотят посадить на престол Дмитрия.

Борис медленно сел и тихо промолвил:

— Эти знатные бояре то с одной стороны подбираются, то с другой. И нет им никакого уема.

Надобно завтра же послать в Углич своих людей.

— Помяни мое слово, Борис, царевич Дмитрий принесет тебе еще немало бед и горя.

— По-моему, Мария, ты слишком уж преувеличиваешь значение царевича Дмитрия. Ведь он еще мал и не сможет управлять государством.

— А зачем ему управлять, когда за него успешно будут это делать бояре. Назначат ему регента из знатного боярского рода, скорее всего Василия Шуйского, а ты останешься ни при чем. Теперь, Борис, все зависит от тебя. Сможешь ли ты опередить своих врагов, или они сметут с царского двора весь род Годуновых.

— Это мы, Мария, еще посмотрим, кто кого! — в волнении произнес Годунов.

— Недавно из Углича пришла ко мне монашка, специально посланная мной, чтобы узнать, что там происходит. Так вот она мне рассказала, что Шуйские и Нагие давно уже объединились против царя Федора и тебя. Они уже давно плетут заговор против царской семьи. Это, несмотря на то, что царь одаривает мать Дмитрия подарками и мехами, дорогими камнями и деньгами. Но Нагие все-таки втянуты в опасный заговор. Причем царевича готовят к тому, что он вскоре сядет на место Федора, воспитывают у него ненависть к царю и его двору. Царевич Дмитрий — довольно неглупый мальчик и постоянно интересуется жизнью царя. Ему внушают, что царь не способен управлять государством. Зимой царевич лепит снежные фигурки, нарекая их именами князей и бояр, приближенных царя, а затем рубит им снежные головы, приговаривая, что так и будет, когда он станет царем. Монашка рассказывает, что мальчик унаследовал жестокий характер своего деда Ивана Грозного. Если Дмитрий действительно станет царем, то он наверняка утопит Россию в крови.

Борис, выслушав свою жену, надолго задумался, затем произнес:

— Ну что ж, спасибо тебе, Мария, за твой ум и бдительность, за то, что ты проявила себя как настоящий защитник царской семьи и нашего рода

Годуновых. А теперь и моя очередь сделать так, чтобы ни один шаг моих противников в Угличе не был сделан без моего ведома. Завтра же с утра я обо всем сообщу царю Федору.

11

Вскоре Еремей был отправлен в Углич с подарками бывшей царице и царевичу с наказом, чтобы он организовал во дворце царевича Дмитрия глаза и уши, чтобы каждый шаг Нагих был известен Годунову. Для этого правитель выделил немалые деньги для подкупа нужных людей.

Еремей прибыл в Углич утром. Его встретили, как полагается встречать посланника от царского двора. Когда все собрались в трапезной палате, Еремей с поклоном вручил матери царевича Дмитрия дорогие подарки. Здесь были меха и дорогие украшения. Мария, лукаво улыбаясь, приняла подарки, при этом сказала:

— Я рада и очень благодарно, что царь Федор, родной брат царевича Дмитрия, не забывает нас и одаривает дорогими подарками.

Царевич Дмитрий, восседая на высоком, изукрашенном резьбой и золотом инкрустацией, кресле, которое очень напоминало трон, надменно произнес:

— Как там царь Федор, жив еще?

— Жив и здоров, того и вам всем желает! — как будто не замечая дерзости, ответил с поклоном Еремей.

Мальчик, не успокоившись тем, что уже сказал, съязвил:

— Скоро Годунов со всей своей родней захватит трон у слабоумного царя, вот тогда и посмотрим, как он будет жив...

Мария Нагая сердито взглянула на своего сына и попыталась загладить дерзость своего сына:

— Не обращайтесь внимания, маленькое дитя от своего неразумения и глупости говорит, что попало. Наслушался от дворовых всяких непотребных слов, вот и повторяет их.

— Когда Федор умрет из-за своего слабого здоровья, я стану царем и всех Годуновых велю казнить!.. — не унимался подросток.

Царица встала со своего места и велела слуге увести Дмитрия, сказав:

— Иди, Дмитрий, позанимайся науками, коли хочешь быть царем, тебе надо много знать.

Когда мальчика увели, Мария сделала знак слугам, чтобы они подавали угощения гостям. Но ее, видимо, беспокоило, что царевич так резко высказался про царя и его двор. Оправдываясь, она сказала:

— Царевич за дерзость будет наказан. Не разрешу ему играть со своими сверстниками во

дворе, а то нахватался от них всяких уличных разговоров.

После трапезы Еремея отвели в предоставленную ему комнату, где он после длинной дороги заснул и проснулся уже вечером.

Соглядатай после сна долго лежал, размышляя обо всем увиденном и услышанном.

Наконец, устав лежать, он встал и вслух произнес:

— А сильно бояре настроили мальчишку против царя и Годуновых. Надобно об этом Борису Федоровичу обязательно сообщить. А то не ровен час...

Подкупить слуг Марии Нагой для Еремея не составляло большого труда. Они с жадностью ловили взглядом блеск золотых монет, которые предлагал соглядатай.

Еремей для своих целей прихватил из Москвы дьяка Микитку Качалова и его сына Дмитрия, с которыми он уединился в отведенной ему комнате. Разговор шел с глазу на глаз:

— Ты, Микитка, и твой сын Дмитрий останетесь здесь в Угличе и будете следить за всеми слугами, которых я подкупил, и все мне будете сообщать через монахиню Евдокию. Ты, Микита, здесь будешь при дворе управляющим и будешь вести хозяйство, да не вздумай воровать, как ты это делал в Москве на своей должности.

Работу исполняй честно, угождай Марии, чтобы она была довольна тобой, а тебе, Дмитрий, надобно завести дружбу со своим тезкой царевичем. Потакай ему во всем, заводи с ним разные игры, чтобы он в тебе души не чаял. Царевич — самолюбивый и властный мальчишка, поэтому ни в чем ему не перечь.

— И долго мы тут будем находиться? — с тоской в голосе спросил дьяк.

— Столько, сколько нужно будет. Может, для тебя лучше за воровство и взятки быть на каторге или висеть на дыбе?.. — перебивая Микитку, ответил Еремей.

Качалов тут же осекся, опустил голову и пробурчал себе под нос:

— Ладно, чего уж там. Сколько нужно, столько и буду находиться и выполнять все, что вы прикажете.

— Перво-наперво проследите, кто из бояр приезжает сюда. Бывает ли здесь Василий Шуйский? Постарайтесь подслушать их разговоры и сообщать мне.

— А мне что делать? — поинтересовался сын дьяка.

— А тебе, Дмитрий, подружиться с мальчиком так, чтобы он с тобой был во всем откровенен. Мальчик часто присутствует при разговорах взрослых и все слушает. А тебе только

остается умело расспросить царевича, и он тебе все расскажет.

— А если он не захочет мне рассказывать?

— А ты расположи его к себе так, чтобы он тебе все сам выложил. Дети в этом возрасте еще глупы и отзывчивы, когда к ним проявляют внимание. Ты же знаешь, как он ненавидит царя и Годунова, вот на этом и подыгрывай ему, мол, царь и Годуновы такие и сякие...

— А можно ли это? — с испугом спросил Дмитрий. — Схватят меня по доносу соглядатаев — и на дыбу...

— Не бойся, не схватят, мы же знаем, что ты это будешь делать по необходимости, что ты верен России и царю нашему Федору.

— А как мы будем передавать все, что узнаем? — спросил Дмитрий.

— Очень просто. Здесь нами оставлена монахиня Евдокия. Ей и будете все сообщать, а она будет передавать все мне, когда будет появляться в Новодевичьем монастыре.

— Видел, недавно тут крутилась... — и, плутовато улыбнувшись, произнес: — Справная монашка. Я думаю, что мы с ней поладим.

Еремей строго взглянул на Дмитрия и, пригрозив пальцем, сказал:

— Не вздумай завести с ней шашни! Голову оторву! Она служитель церкви и несет сюда Божье

слово.

Дмитрий опустил голову, пряча плутоватые глаза, тихо произнес:

— Я понимаю, Еремей Васильевич. Как скажете, так и будет.

— Тогда, коли вы все поняли, я пойду по своим делам. Еще Евдокию надо посетить в ее келье.

Монашку соглядатай застал за трапезой. Женщина не торопясь ела то, что ей подали с хозяйского стола, думая о чем-то своем, и сразу не заметила, как тихо вошел Еремей.

— Кушать изволите, Евдокия?

— Да уж, Еремей Васильевич, надо немного поесть, ведь целые дни провожу в молитвах.

— И это правильно, что Богу молишься. Не забывай помолиться за нашего царя Федора Ивановича и матушку-Россию.

— Да уж стараюсь, Еремей Васильевич.

— Старайся, старайся, милая, а о деле, что мы говорили с тобой, разумеи.

— Вводите меня в грех, Еремей Васильевич. Ведь соглядатайство — это великий грех!

— Нет греха, Евдокия, коли это делается ради нашего царя-батюшки.

— Ну, разве что ради царя, то я согласна, чтобы убережь его от плохих людей.

— Тогда слушай, что тебе надобно будет

делать. Все, что тебе будут передавать мои люди, Качаловы Микита и Дмитрий, и то, что сама тут увидишь и услышишь, немедленно рассказывай мне. В Москву ты можешь без всяких подозрений ездить помолиться в Новодевичий монастырь.

Еремей вплотную подвинулся к монашке, обнял ее за плечи, притянул к себе.

Все молодое налитое тело Евдокии содрогнулось и затрепетало. Но она стала отчаянно сопротивляться домогательствам соглядатая:

— Зачем вы, Еремей Васильевич, толкаете меня на великий грех, ведь я дала перед Богом обет, что отказываюсь от мирской жизни!

Еремей, распаленный страстью, молча стал стягивать с женщины ее монашеское одеяние, но у него ничего не получалось, тогда он повалил Евдокию на лавку, задрал подол. Обнажились белые стройные ноги и то место, к которому он так стремился.

Женщина вдруг ослабла, застонала, затрепетала. Соглядатай стал страстно целовать монашку в губы, в шею.

Евдокия отдавалась страстно, со стоном и всхлипыванием, еще больше вводя неожиданного любовника в страсть.

Наконец, утомленные любовью, они освободились от жарких объятий друг друга, сели на лавку.